

РАЙСА УОЛКЕР

ГРАНЬ ВРЕМЕНИ

Файлы Хроноса

Райса Уолкер
Грань времени

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Уолкер Р.

Грань времени / Р. Уолкер — «Эксмо», 2014 — (Файлы
Хроноса)

ISBN 978-5-04-112672-8

Замысловатые путешествия во времени продолжаются. Новые сдвиги реальности сводят Кейт с ума. Девушка узнает о том, что ее дедушка причастен к глобальным изменениям в истории и собирается завоевать мировое господство. Теперь Кейт должна разыскать всех путешественников, застрявших в разных временных отрезках, чтобы забрать у них ключи и тем самым сохранить им жизнь. В этом ей поможет парень, который тоже обладает геном ХРОНОСа. Но ей следует быть осторожной: если план будет раскрыт, то под угрозой окажутся судьбы миллионов людей. Получится ли у Кейт победить в мире, в котором тонка грань между добром и злом? И не станет ли тот, кто ей дорог, одним лишь воспоминанием?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-112672-8

© Уолкер Р., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

1	6
2	14
3	25
4	34
5	40
6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Райса Уолкер Грань времени

Rysa Walker
Timebound's Edge

© Султанова Ф., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Книга посвящена Донне и Тэри

Спасибо, что поддерживали меня, когда это было нужно.

1

Даллас, Техас

22 ноября 1963 года, 12:05

Не успела я открыть глаза, как резкий запах гниющей рыбы ударил мне в нос. Думаю, именно вонь объясняла присутствие кошек, которые маячили перед глазами каждый раз, когда я просматривала это место перемещения в течение последних нескольких дней. Две кошки, тощая рыжая в полоску и длинношерстная белая, с разодранным левым ухом, шипят и настойчиво наблюдают за мной с крыши большого серого мусорного контейнера, стоящего прямо позади меня. Надпись от руки на нем гласила: «Только для школьного книгохранилища», но рыбные кости и объедки вокруг мусорного бака кричали о том, что по меньшей мере один владелец местного ресторана либо не умеет читать, либо не утруждает себя следованием правилам.

Ужасный запах, несомненно, и есть причина, по которой ХРОНОС выбрал в качестве стабильной точки именно это место. Ни один здравомыслящий человек не рискнул бы приблизиться к нему ближе чем на тридцать метров. Пару историков, появляющихся из ниоткуда, заметят лишь кошки.

Изучив лица на фотографии еще раз, прячу ее и ключ ХРОНОСа под свитер и спешу вниз по Хьюстон-стрит. Свернув на улицу Вязов, направляюсь к знаку «Держаться правой стороны» на шоссе Р. Л. Торнтон. Вдоль дороги начинает собираться толпа. Кортёж находится всего в десяти минутах езды, и это означает, что у меня осталось совсем мало времени, ведь только за несколько минут до стрельбы я смогу узнать, где находятся мои бабушка и дедушка.

В радиусе пяти кварталов не менее семи стабильных точек, что свидетельствует о неугасающем интересе к теориям заговора, связанным с убийством Кеннеди, даже в 2300-х годах. Я уже использовала три из этих стабильных точек, и в этот самый момент три другие версии меня идут к Дили-Плаза: одна с Маркет-стрит, другая с Мейн-стрит и еще одна с Рекорд-стрит. Кейт с Мейн-стрит даже одета в тот же свитер и блузку с дурацким воротничком, как у Питера Пэна, но примерно через минуту ее окружит толпа, и в двенадцать тридцать, когда на площади раздадутся выстрелы, она будет уже на целый квартал позади. Две другие Кейт тоже не найдут Тимоти и Эвелин Уинслоу.

Я только подъехала к площади, представляющей собой небольшой парк с белой беседкой на вершине холма, когда молодая пара с двумя маленькими мальчиками остановилась передо мной. Старший ребенок лет четырех крепко вцепился в красный сарафан своей матери. Мальчик помладше сидит на плечах отца, пухлыми ручками держась за воротник его клетчатой рубашки. Он откидывает свою маленькую белокурую головку назад, разглядывая мир вверх ногами, и удивляется, увидев меня позади.

Его отец кивает в сторону клочка травы посреди улицы Вязов.

– Но... может, нам лучше остаться на этой стороне, Билл? – Женщина выглядит лет на двадцать с небольшим, и голос у нее высокий, с сильным южным акцентом. – Там две большие улицы, они могут потеряться в толпе. Если мы останемся здесь, дети смогут поиграть на лужайке, пока мы ждем.

Мужчина снимает малыша с плеч плавным привычным движением и сажает на печально известный, покрытый травой холмик. Он ловит мой взгляд, встает и застенчиво улыбается мне, походя на молодого Элвиса Пресли. Дрожь пробегает у меня по спине. Я не могу объяснить почему, но после понимаю, что это Ньюманы – семья из тех фото и видео, что я изучала в

Интернете. Те, на чьих глазах произойдет убийство. После стрельбы на них обрушится толпа журналистов, десятки репортеров будут фотографировать, как они лежат на траве, прикрывая собой детей от хаоса.

Ньюман и его жена смущенно переглянулись – я, наверное, надолго задержала на нем взгляд. Одарив их нервной полуулыбкой, прохожу мимо, торопясь к бетонным ступеням, ведущим к беседке.

Далеко не живописный на вид забор из штакетника и несколько больших деревьев скрывают гораздо менее живописный вид на грунтовую парковку позади площади. Уже конец ноября, но почти все деревья еще зеленые, за исключением пары только-только сбрасывающих свои красновато-золотые листья. Около забора прогуливаются несколько человек. Я постоянно напоминаю себе, что мне только нужно найти бледно-голубой «Форд Фэрлейн». И все же я не могу не обратить внимания на молодого парня с тонкими усами, выглядывающего из травянистых зарослей и пристально наблюдающего за улицей, он слегка подергивает левой ногой. Прислонился к забору и закурил сигарету. Сегодня слишком тепло для такой куртки... может, за этим бугорком в его кармане скрывается пистолет? И в этой тени дерева, прямо за забором, определенно можно спрятать винтовку...

Я качаю головой, возвращаясь к более важному делу, и, наконец, нахожу автомобиль, который мельком заметила с тротуара во время моего последнего перемещения, как раз перед тем, как прогремят выстрелы и отберут мой последний шанс приблизиться к площади. «Фэрлейн» припаркован примерно в двадцати пяти метрах, позади грязного красного пикапа со спущенным передним колесом.

В 1963 году на дорогах появилось немало голубых «Фэрлейнов» 1959 года, так что я вполне могла ошибиться. Я сворачиваю направо, надеясь незаметно подойти к нему, обхожу пикап и пару других машин с задней стороны стоянки. Надеюсь, что мои бабушка и дедушка в машине, а не болтаются возле Запрудера¹, чтобы остаться на кадрах его документалки. Или высматривают Ли Харви Освальда² на шестом этаже книгохранилища. Сейчас мы полагаемся на воспоминания Кэтрин о кратком разговоре с Эвелин, состоявшемся почти пятьдесят лет назад.

Коннор охал и ахал над изображениями этого «классического» автомобиля, когда мы изучали его в Интернете, но, вы меня извините – автомобили этой эпохи то еще уродство. В одних «плавниках» достаточно металла, чтобы соорудить один или два «Приуса». Отбросив эстетическую сторону, могу сказать, что сейчас я даже немного благодарна этим плавникам, потому что они хорошо прикрывают меня, пытающуюся пробраться за автомобилем, согнувшись втрое.

В машине сидят два человека, но они настолько вплетены друг в друга, что я с трудом могу разобрать, где начинается один и заканчивается другой, не говоря уже о том, чтобы узнать в них людей с фотографии, которую дал мне папа. И если это *они*, я знаю, что эти страстные объятия служат по большей части только прикрытием. Они надеются, что тот парень у забора или любой другой потенциальный «второй стрелок» не обратит внимания на молодую пару, целующуюся на парковке, и у них будет возможность стать свидетелями исторического события. Они, наверное, едва дышат. Но все же будет не очень приятно подкрасться и представиться своей двадцатипятилетней бабушке в тот момент, когда ее рубашка наполовину расстегнута, а дедушка уже почти перешел к делу.

¹ Абрам Запрудер – американский бизнесмен, производитель женской одежды, который 22 ноября 1963 года снял 26-секундный документальный любительский фильм, запечатлевший убийство президента США Джона Кеннеди.

² Ли Харви Освальд – единственный официальный подозреваемый в убийстве американского президента Джона Кеннеди.

Я достаю свой ключ ХРОНОСа. Фотографию и телефон держу в свободной руке. Конечно, в 1963 году никакого сигнала не поймать, но телефон все еще сможет воспроизвести видео, которые записали Кэтрин и папа, чтобы подтвердить мой рассказ.

На мгновение я задумываюсь, стоит ли сначала вежливо постучать в окно. Волосы у нее такие же темно-медные, как и у девушки на снимке «Поляроида», поэтому я все же решаюсь перейти к действиям. Быстро дернув хромированную ручку, распахиваю дверь «Фэрлейна». Сажусь на заднее сиденье, держа ключ ХРОНОСа, словно полицейское удостоверение, давая им время разобраться в том, что произошло.

Эвелин бросает на меня яростный взгляд через зеркало заднего вида и тут же начинает застегивать кофточку. Тимоти оглядывается, и у меня возникает странное ощущение, что на меня смотрит «сердитое» лицо моего отца, но на пятнадцать лет моложе и, возможно, на пять килограммов полнее. Мой папа довольно мягок, поэтому я нечасто видела это выражение. Я хорошо помню только тот случай, когда мне было, возможно, лет пять и я пыталась узнать, что случится, если нагреть пирожное лазером в DVD-плеере (ничего хорошего).

– Мы. В самом. Разгаре. Исследования. – Он сердито мотает головой в сторону парня, стоящего у забора. – Этот человек может быть Джеймсом Файлсом³, и...

– И, возможно, он второй стрелок. Да, я знаю, и мне очень жаль. Один из вас может продолжить наблюдение, если желает.

Эвелин возвращается на свое сиденье так, чтобы незаметно продолжить слежку за парнем.

– Я никогда не видела тебя в ХРОНОСе, – говорит она, – полагаю, ты из более раннего поколения? Или, может, позднего?

Я протягиваю Тимоти фотографию. На ней запечатлены они: старше на несколько лет, на лицах счастливые улыбки. Он держит темноволосого маленького мальчика высоко над головой. На заднем плане видна пассажирская часть этого светло-синего «Форда».

– Ну, это как посмотреть. Я Кейт. Твоя внучка. Маленький мальчик, которого ты держишь на этой фотографии, – мой отец.

Обычно людям не приходится представляться своим родителям или дедушке с бабушкой, но я уже в этом деле собаку съела. Еще три месяца назад я сидела напротив своего отца и пыталась убедить его, что я его дочь из другой временной линии. Затем я гналась за двумя разными версиями Кэтрин, моей бабушки по материнской линии, во время Всемирной ярмарки 1893 года в Чикаго. В обоих случаях мне пришлось объяснять, кто я, чтобы предотвратить ее убийство и мое последующее полное исчезновение. Если я когда-нибудь встречу своего другого дедушку, Сола Рэнда, у меня уже будет полный комплект. Но все же я очень надеюсь, что никогда не встречу с ним лицом к лицу. Именно из-за него я и попала в эту передрыгу. И если его люди узнают, что я вмешиваюсь, все полетит к чертям.

Тимоти переводит взгляд с фотографии на меня и обратно, передавая ее жене. Она смотрит на меня через зеркало заднего вида, и спустя мгновение возвращает внимание к парню у забора.

– У нее твои глаза, Тимо.

Я вижу, что он все еще раздражен, но его взгляд немного смягчился.

– Итак, что произошло, Кейт? Тебя здесь не должно быть, если только правила ХРОНОСа не изменились в ближайшие несколько десятилетий. Никакого взаимодействия с членами семьи, верно? – Эвелин вздыхает. – Давай просто вернемся в стабильную точку. Мы еще успеем проверить этого парня во время следующего перемещения. Нам нужно вернуться в ХРОНОС, и ей тоже.

³ Джеймс Файлс, также известный как Джеймс Саттон, дал интервью, в котором утверждал, что был тем самым стрелком, который прятался на заросшем травой холме в Дили-Плаза в утро убийства Джона Ф. Кеннеди.

Мне бы очень хотелось поскорее убраться с этой стоянки, потому что у нас есть всего несколько минут до того, как кто-нибудь отсюда, или из школьного книгохранилища, или из обеих точек выстрелит в черный «Линкольн Континенталь» с откидным верхом, в котором сидят Кеннеди с Джеки. Но я чувствую себя немного виноватой. Ведь они несколько месяцев работали над этой головоломкой.

– Если вам правда хочется узнать, не Джеймс Файлс ли это, продолжите наблюдение. Вы не сможете переместиться еще раз. ХРОНОСа больше нет.

Они оборачиваются и некоторое время смотрят на меня, затем Тимоти заводит автомобиль и переключает передачу на задний ход.

– Если это так, значит, нам нужно убраться отсюда, пока есть возможность. У нас теперь проблемы посерьезнее, чем выяснение, кто именно из этих бандитов убил Кеннеди.

* * *

Он выехал на дорогу, которая оказалась перекрытой из-за парада, но спустя уже два квартала пробки на дорогах довольно быстро рассосались. В машине стоит полная тишина, пока мы не пересекаем мост через несколько кварталов. Эвелин время от времени бросает на меня довольно противоречивые взгляды. Легкая россыпь веснушек на ее носу немного напоминает мою, но в остальном я больше похожа на родственников со стороны мамы. Если не считать зеленых глаз, которые явно достались папе от человека на водительском кресле, и бледного шрама на шее чуть ниже правой щеки, который я получила недавно, я практически копия моей тети Пруденс. Это значительно осложняет мою жизнь, учитывая, что она играет за другую команду.

– Что произошло? – спрашивает Эвелин. – Нас насторожило то, как этот парень затащил Шайлу в комнату перемещений. Я сказала Тимо, что в этот раз что-то пошло не так. Когда мы появились в стабильной точке в среду, я подвернула лодыжку, а такого никогда раньше не случалось.

Машина сворачивает с дороги на небольшую парковку. Темно-оранжевый прямоугольный знак «*A & W Ice Cold Root Beer*» выглядывает прямо из стены невысокого здания.

Эвелин прищуривается и спрашивает:

– И *почему* мы здесь остановились?

Тимоти притормаживает под оранжево-белым навесом, рядом со столиками для пикника, расставленными в центре.

– Я голоден, и хочу пить, и подозреваю, что разговор будет долгим. Судя по тому, что говорит Кейт, мы можем не надеяться на возвращение домой, верно? Так, чего вы желаете, дамы?

Она закатывает глаза и отвечает:

– Я не голодна, Тимоти.

А я просто отрицательно качаю головой. Тимоти пожимает плечами, выходит из машины и идет к зданию, где мужчина средних лет в белой бумажной шляпе открывает окно, чтобы принять заказ.

– Если мы застрянем здесь надолго, он наберет килограммов двадцать, – говорит Эвелин. – Он перестал влезать в свои штаны с тех пор, как мы начали исследовать убийство Кеннеди. Не понимаю, как люди с таким плотным питанием живут дольше пятидесяти.

Я слабо улыбаюсь ей, но ничего не говорю. Неважно, сколько чили-догов он съест. Забота об уровне холестерина не остановит пикап с бревнами от столкновения с их фургоном в 1974 году. Они погибли, и мой пятилетний папа очнется в больнице спустя два дня круглым сиротой. Я не могу сказать им ничего, что могло бы изменить это, поскольку именно таким путем

могу появиться я, и, как любит говорить Кэтрин, я – новая последняя надежда Земли. Или, по крайней мере, для большей части ее населения.

– Итак, как долго *мы*... – начинает она и поднимает ладони, продолжив: – Нет. Подожди, пока он вернется, или тебе придется все повторять дважды.

Проходит некоторое время, и пока мы ждем, я решаю нажать кнопку «видео» на своем телефоне и начинаю записывать. В кадре на несколько секунд появляется Эвелин, наблюдающая за Тимоти нежным, но все еще раздраженным взглядом. А потом он возвращается к машине, держа в руках металлический поднос с тремя высокими матовыми кружками и парой чили-догов, доверху наполненных сыром и луком. Он стучит костяшками пальцев в окно со стороны Эвелин. Она поворачивает ручку окна.

– Только ты будешь это есть, так почему бы не поставить на свою сторону? Они воняют.

Он игнорирует ее, оставляет поднос у окна и возвращается к водительскому креслу. Эвелин ждет, пока он сядет, а затем протягивает ему чили-доги, с отвращением сморщив нос.

– Эв вегетарианка, – говорит Тимоти. – Обычно я тоже, но в чужой монастырь со своим уставом не ходят, верно? Я просто отношусь к этим поездкам как к отдыху от веганства. – Он откусывает большой кусок от первого дога, когда Эвелин передает мне газировку. Я вполне разделяю ее мнение насчет чили-догов, но газировка – не знаю, то ли это матовая кружка, то ли колотый лед, то ли отсутствие кукурузного сиропа с высоким содержанием фруктозы, но на вкус она намного лучше, чем то, что я привыкла пить.

Я поднимаю брови в немом вопросе, и Эвелин кивает.

– Начинай, Кейт. Я *надеюсь*, мы услышим тебя сквозь его чавканье.

– На самом деле было бы проще позволить Кэтрин рассказать вам все.

Я включаю видео, которое мы сняли в доме Кэтрин, поворачивая экран телефона к Тимоти и Эвелин. Я видела его по меньшей мере десяток раз и знаю наизусть. Мы потратили целую неделю, пытаюсь выяснить, как много мы можем рассказать, не подвергая опасности временную линию.

«Эвелин, Тимоти, – начинает Кэтрин. – Давно не виделись».

Эвелин резко втягивает воздух. Когда они видели ее в последний раз несколько дней назад, Кэтрин была примерно их возраста, лет двадцати пяти, с длинными светлыми волосами. Женщине на экране за шестьдесят, и ее седые волосы, хотя и немного длиннее, чем при нашей первой встрече, все еще очень короткие из-за прошлогодней химиотерапии. Она сидит за столом в библиотеке, у окна.

«Я не знаю, пытались ли вы обратиться к штабу, но вы не сможете ни с кем связаться. Там только пустота. Я переместилась на шесть лет вперед вас. Знаю, вы захотите использовать свои ключи, если уже не сделали этого, и я не виню вас. Я бы тоже не поверила в это. Но они не вернут вас в штаб-квартиру. Прошло уже более сорока лет, а я до сих пор не вижу ничего, кроме темноты и редких помех. Что ж... аварийный протокол уже работает. Я уверена, что вы лучше меня знаете, где находится ближайший банковский сейф ХРОНОСа. Как только вы получите новые документы...»

Эвелин поднимает ладонь:

– Выключи это. Сейчас же.

Я ставлю видео на паузу.

– Она говорит, что мы застряли здесь, Тимо. Чего я и опасалась, когда мой дневник исчез. Когда я не смогла вывести штаб. – Она побледнела. Тимоти тянется к ее руке.

– Но, если ключи не работают, если ХРОНОС исчез, как ты сюда попала? – спрашивает он меня.

Я бросаю взгляд на видео, ответив:

– Давайте дадим Кэтрин договорить? Она сможет объяснить это лучше, чем я.

Я нажимаю кнопку воспроизведения, и Кэтрин продолжает: «...Вам нужно будет начать новую жизнь. На случай, если вам интересно, это был Сол, в парандже и с ножом у горла Шайлы. Он устроил взрыв. И... за несколько часов до этого убил Анджело».

Слезы наворачиваются на глаза Эвелин.

«Мы с Ричардом только успели найти тело Анджело и попросить координатора перемещений вызвать охрану, как ворвался Сол, ведя Шайлу перед собой, и приказал не отменять перемещение. Он занял место Шайлы. Полагаясь на то, что мы знаем сейчас, я почти уверена, что он переместился в 2020 год.

Сол надеялся, что уничтожение ХРОНОСа позволит ему перемещаться из одной временной точки в другую без необходимости возвращаться в штаб после каждого прыжка. Но он просчитался. Он больше не может использовать ключи ХРОНОСа так же, как и мы, но научился тому же, чему и я. Ген ХРОНОСа передается нашим детям и внукам. Я была беременна двойней, когда попала в 1969 год. Одна из девочек, Пруденс, использовала ключ, когда ей было четырнадцать. С тех пор она живет с Солом. Другая дочь, Дебора... что ж, я познакомилась с этим парнем».

В кадре появляемся мы с папой. Кэтрин спорила со мной часами о том, будет ли это приемлемо. Она была категорически против, и поначалу Коннор был на ее стороне, но я убедила его принять мою точку зрения. Тимоти и Эвелин, вероятно, поверили бы мне в любом случае, но захотят ли они передать свои ключи? Я решила, что *такая* просьба будет звучать гораздо убедительней из уст их сына.

«Мама. Папа. Если бы я мог воспользоваться ключом ХРОНОСа, то пришел бы сам...»

Папа немного поперхнулся, когда мы записывали эту часть, и нам пришлось перезаписать видео спустя несколько минут. Он их почти не помнит и больше всего на свете хотел бы сейчас быть на моем месте.

«Он немного светится, когда я к нему прикасаюсь, но управлять им я не могу».

Он обнимает меня за плечо и притягивает ближе к себе.

«В общем, я посылаю Кейт вместо...»

Эвелин протягивает руку к телефону и касается экрана, чтобы приостановить видео, копируя то, как это делала я пару минут назад.

– Мы с Тимо... нас ведь уже нет в том времени, не так ли?

– Ты же знаешь, что я не могу тебе этого сказать...

– Тебе и не нужно говорить. Это написано у него на лице.

Проклятие. Кэтрин была права. И как бы сильно я ни любила Кэтрин, мне не нравится, когда она права.

– И, – продолжает она, – если бы мы были там, ты бы показала запись, в которой мы вдвоем объясняем все это, а не Кэтрин.

Действительно. И теперь я не так сильно переживаю о том, что втянула во все это папу. Они, вероятно, поняли бы все в любом случае. Я снова нажимаю на воспроизведение, и папа продолжает: «...себя. Сейчас происходит что-то невероятное. Тот парень, Сол, положил начало событиям, которые я не совсем понимаю, но Кейт уверяет, что он планирует уничтожить большую часть населения. Поэтому мы пытаемся опередить его людей и собрать эти ключи до того, как это сделают они».

Кэтрин возвращается в кадр.

«Я думаю, Кейт сможет ответить на все остальные вопросы. Реальность такова, что вы не можете использовать ключи, и, если вы их сохраните, люди Сола попытаются их забрать. Мне очень жаль... жаль, что я не могу сообщить вам новости получше, сказать, что это был просто временный сбой и ХРОНОС скоро все исправит, но вы бы сами все равно это узнали.

Через несколько лет вы встретитесь с моей гораздо более молодой версией. Будет лучше, если вы не станете упоминать ей о визите Кейт... то есть упоминать *мне*, если быть точнее. Это может... запутать все еще сильнее. Берегите себя, ладно?»

На этом видео заканчивается. Мы записали еще несколько минут, но Кэтрин подумала, что папа, прощаясь, может ненароком предупредить их о будущих событиях, поэтому она попросила Коннора вырезать эту часть.

Эвелин выхватывает у меня телефон и несколько раз тычет пальцем в экран, но ничего не происходит.

– Как перемотать эту дурацкую штуку?

– Включить с самого начала?

– Нет. Только... – Ее взгляд резкий, но уязвимый. – Как его *зовут*, Кейт? Как зовут моего сына?

– Я не могу. Ты знаешь, что я не могу сказать тебе...

– Да ладно тебе, Эв. Дай ей передохнуть. Ты прекрасно знаешь, как его зовут. Он Альфонс, в честь твоего отца. Мы обсуждали это с полдюжины раз. А если бы родилась девочка... погоди, его ведь *правда* зовут Альфонс, да, Кейт?

– Ты *знаешь*, что я не могу тебе этого сказать, – я перематываю видео назад, на тот момент, где папа начинает говорить, и стараюсь сохранить нейтральное выражение лица, чтобы мои действия не повлияли на их решение. Но очень трудно сдержать улыбку при мысли о том, как близко Гарри Келлер был к тому, чтобы быть названным Альфонсом.

Я нахожу нужное место на видео и снова нажимаю на воспроизведение, передавая телефон Эвелин. Она приостанавливает его, прежде чем папа успеет заговорить. И молча смотрит на экран.

Через мгновение выражение ее лица меняется на напряженное, почти сердитое, и мое сердце в страхе сжимается. Если все пойдет не так, как задумано, Кэтрин точно не станет меня наказывать, но она наверняка найдет способ напомнить мне, что она была против появления папы в видео. Это перемещение должно было пройти гладко. До того, как Сол, Пруденс и их подчиненные киристы сумели восстановить временную шкалу, эти два ключа были в нашем распоряжении. Кирнан сказал, что их было относительно легко достать, но он не знает подробностей, потому что другая версия меня, *его* Кейт, другая-Кейт, Кейт из прошлого, как бы вы ее ни называли, совершила это перемещение до того, как они встретились. И я понятия не имею, что сделала *та* Кейт, потому что во всех смыслах этого слова она – не я.

– Я не уверен, что Кэтрин знает, – говорит Тимоти, – но это должно было быть пятидневным путешествием. Все вокруг Дили-Плаза будет заблокировано и оцеплено, так что мы не сможем вернуться на стабильную точку раньше завтрашнего полудня. Не то чтобы я не верил тебе. Мы поняли, что что-то не так, как только исчез дневник Эв. Она попыталась отправить вопрос в штаб-квартиру, но вместо того, чтобы получить ответ, он просто... будто... испарился.

– Кэтрин сказала, что и с ней это случилось.

– Но, – продолжает он, – хотя я и верю тебе, Кэтрин права. Я не думаю, что мы должны расстаться с этими ключами, не узнав наверняка, что обратного пути нет. Надеюсь, ты понимаешь?

Я киваю. Мы ожидали этого.

– Ты пока тоже не сможешь выбраться, Кейт. То есть если ты не переместилась сюда из стабильной точки за пределами Далласа, то ты наверняка застряла...

– На самом деле я могу вернуться прямо отсюда, – говорю я. – Перемещаться мне тоже нужно в стабильную точку, но возвращаться я могу из любого места. Это то, чего Сол пытался добиться, но у него не получилось.

Эвелин все еще смотрит на застывший образ отца, обнимающего меня одной рукой, и слезы текут по ее лицу. Я не уверена, слушает ли она нас.

– Чего он хочет, Кейт? – спрашивает Тимоти. – Зачем Сол это сделал?

Несколько месяцев назад я задала тот же вопрос Кэтрин и Коннору. Тогда у них был лишь один ответ, и заключался он в том, что Сол хотел власти, всей власти, которую он только мог получить. И хотя теперь у нас больше информации, в настоящем ответе вся суть.

Я пожимаю плечами:

– Он захотел поиграть в Бога. Решить, кому жить, а кому умирать. Создать свою версию рая, где только те, кто разделяет его взгляды, могут остаться.

Мы некоторое время молчим, а потом я спрашиваю:

– Где мы встретимся завтра? И когда?

Эвелин поворачивается ко мне, почти обрывая на середине вопроса, будто только что вспомнила, что я в машине, и возвращает мне телефон. Она достает ключ ХРОНОСа из-под блузки, снимает цепочку через голову, почти бросая ключ в меня.

– Отдай ей свой чертов ключ, Тимоти! Мы уже пять раз пытались связаться со штабом. Нет смысла надеяться, что мы поймем сигнал завтра, – ее голос немного смягчается, когда она смотрит на меня. – Тебе не нужно возвращаться, Кейт.

– Спасибо, Эвелин.

Когда я прячу ее ключ в карман своего свитера, мне кое-что приходит в голову:

– Эм... если я вдруг снова появлюсь и начну задавать вопросы, внимательно рассмотрите цвет моих глаз, ладно? И проверьте это, – я слегка откидываю назад волосы и поворачиваюсь к ней правой щекой, открывая относительно новый и, к счастью, заживающий розоватый шрам на шее. Тетя Пруденс, возможно, достаточно сообразительна, чтобы надеть зеленые контактные линзы, но она не знает о моей встрече с Г. Г. Холмсом в Чикаго. – Если не увидите шрама, значит, это не я и вам нельзя ей что-либо говорить. Она с Солом.

Тимоти достает из кармана ключ ХРОНОСа и расстегивает маленький зажим, который крепит его к петле на поясе. Он держит светящийся синий круг в своей ладони и смотрит на песочные часы в центре, наблюдая, как песок медленно тянется из стороны в сторону.

– Какого цвета он для тебя, Кейт? – спрашивает он.

Наверное, в ХРОНОСе это было чем-то вроде болтовни о погоде. Каждый видит свет в центре медальона по-разному.

– Он голубой, – отвечаю я. – Как невероятно яркое небо.

Грустная улыбка тронула его губы.

– Неужели? И для меня. Для Эв он розовый.

Я улыбаюсь ему в ответ, а потом перевожу взгляд на Эвелин.

– Папа только временами видит свет, но, когда это случается, он говорит, что свет кажется ему розовым. Так что, я думаю, это у него от тебя.

Ее нижняя губа слегка дрожит. Она протягивает руку и кладет ее на лицо моего деда, лицо, так похожее на лицо их сына, которого они никогда не увидят взрослым.

– Тимо, с прежней жизнью покончено. Просто дай ей свой ключ, чтобы она могла вернуться домой. И избавься от этого вонючего чили-дога. Мы больше не в отпуске.

2

Бостон

23 июля 1905 года, 8:06 утра

– Получилось! – Достаю медальоны из кармана и машу ими перед собой.

– Я и не сомневался, – Кирнан сидит на деревянном ящике, скрестив ноги, точно так же, как и перед моим уходом, и все так же улыбается. Для него прошла всего минута с тех пор, как я отправилась в Даллас, чтобы забрать ключи у Тимоти и Эвелин.

Эта кладовая занесена в список как официальная стабильная точка ХРОНОСа – одно из тех мест, куда историки могут переместиться между 1898–1932 годами. В первый раз в Бостон я прибыла в 1905 году, посреди ночи, выскользнув из кладовой в мрачное помещение. Прямо у двери я оставила конверт с именем Кирнана на лицевой стороне и ничем больше, кроме клочка бумаги с сегодняшней датой и временем: 7 утра. Для меня это случилось три недели назад, и я дважды возвращалась с тех пор, чтобы получить решение Кирнана о том, как именно мы заберем эти два медальона.

– Возможно, для тебя это было очевидным, – возражаю я. – Но какое-то время все было довольно шатко. Эвелин поняла, что они, скорее всего, мертвы.

Он пожимает плечами, его темные волосы падают на плечи.

– Кажется, это случилось и в прошлый раз. Тогда ты сказала мне, что Кэтрин была против того, чтобы твой отец вмешивался, но ты настояла. Тимоти и Эвелин все равно было бы легко убедить. Кто может отказать в такой просьбе собственной внучке?

– Эм... Сол Рэнд, наверное? Иначе я бы просто подошла к нему и сказала: «Пожалуйста, дедушка, брось свой коварный план по захвату мирового господства. Ради меня».

– Ты права, – со смешком соглашается Кирнан. – Я должен был уточнить, что любой человек, имеющий хотя бы долю сострадания, не отказался бы от этой просьбы. Но, возможно, тебе стоит найти Сола и попытаться. Вдруг он просто помешан на красивых зеленых глазах?

Я чувствую, как румянец заливает мое лицо, поэтому отворачиваюсь и делаю вид, что меня очень заинтересовали коробки с табаком на полках позади меня. Я поднимаю крышку одной из них и делаю глубокий вдох. Трубочный табак с насыщенным, землистым ароматом – нисколько не похожим на дым сигарет, которым я вынуждена дышать, гуляя вдоль тротуаров Вашингтона. Было время, когда я наслаждалась запахом костра в зимние ночи, но после моей недавней встречи с Г. Холмсом на Всемирной выставке от малейшего запаха дыма бросает в дрожь. Если бы Кирнан не вернулся, чтобы спасти меня той ночью, я стала бы одним из тех многих скелетов, найденных в отеле.

– Итак, кто следующий? – спрашиваю я его. – То есть за какими медальонами *она* отправилась в следующий раз?

Она – другая-Кейт, та, которую, я уверена, Кирнан хотел бы видеть на моем месте. Прошлая Кейт, которой больше не существует из-за Сола, изменившего хронологию.

– Я помню, что мы продолжили работу из моей комнаты, – он делает еле заметный акцент на слове «*мы*», но я знаю, что он пытается напомнить мне, что другая-Кейт – просто часть меня, даже если я не могу вспомнить ее.

Кирнан протягивает мне руку:

– Это недалеко отсюда. Ну что, пойдем?

– Мне нужно вернуться домой. Кэтрин ждет.

– Ох. Я думал, что ты отправилась домой, прежде чем вернуться сюда. – В его голосе слышится намек на вопрос. Знаю, он думает о том, почему я сразу же разделила радость с ним, а не с бабушкой, папой и Коннором.

Я и сама удивляюсь этому. Я отправилась в Бостон 1905 года, даже не задумавшись. Однако, глядя на свои ботинки, я понимаю, что не могу остаться, даже если бы захотела. Юбка до колен, свитер и коричневые оксфорды были достаточно скромны для Далласа 1963 года, но здесь они привлекут слишком много внимания.

– Я вернусь позже.

– Не говори глупостей, – отвечает он, направляясь к высокому шкафу в задней части кладовой. – Мы вместе знаем, что ты вернешься к Кэтрин спустя мгновение после твоего перемещения, так что они никогда не узнают, что ты задержалась. И я знаю, как решить твою проблему с одеждой.

Кирнан открывает дверцу шкафа и достает платье на мягкой вешалке. Это цельное платье, которое по задумке выглядит как костюм: белая блузка с широким вырезом, как у девушек Гибсона⁴, а темная узкая юбка, наверное, будет мне по щиколотку. Он снимает платье с вешалки и разворачивает его, открывая вид на длинный ряд жемчужных пуговиц. Раздается легкий треск, когда он тянет ткань в стороны, и мне поначалу кажется, что ткань порвалась. Затем я замечаю белую полоску липучки, бегущую по спинке платья.

– Это *так* не в стиле ХРОНОСа, – говорю я, подавляя смех и качая головой. Кэтрин чуть не вышла из себя, когда поймала меня с розовой зубной щеткой в 1893 году, так что я знаю, она ни за что бы не одобрила это.

– Мы не в ХРОНОСе. И с дюжиной жемчужных пуговиц было бы очень непросто одеваться и раздеваться, не так ли?

За улыбкой Кирнана скрывается легкая грусть. Наверное, это должно было прийти мне в голову сразу, но только сейчас я осознаю, что другая-Кейт взяла липучку в 1905 год. Это было *ее* платье. Я решаю не думать о том, зачем ей приходилось раздеваться в спешке.

Платье кажется достаточно большим, чтобы надеть его поверх моей узкой юбки и кофты, поэтому я снимаю только кардиган и вешаю его на крючок в шкафу. Затем я влезаю в платье, которое Кирнан придерживает расстегнутым, и поворачиваюсь, чтобы он застегнул липучку. Он соединяет края платья, а затем медленно проводит ладонью по моей спине, от шеи до талии, чтобы запечатать липучку. Я ощущаю тепло его руки сквозь ткань, и легкая дрожь пробегает по телу.

Так нельзя, Кейт. Он не Трей, а ты не его Кейт, напоминаю я себе. *Сейчас важно думать только о том, как остановить Сола и киристов*. Я стараюсь выглядеть серьезно, когда поворачиваюсь к нему лицом.

Он протягивает мне пару коричневых туфель на низком каблуке с ремешком, избавив от необходимости застегивать пуговицы. Улыбнувшись, снимаю с ног свои туфли. Я собиралась убрать их обратно в шкаф, но Кирнан тут же достает маленькую сумку на шнурке и кладет в нее мои туфли и свитер.

Я бы все же предпочла джинсы, футболку и кроссовки, но это уже намного лучше того наряда 1893 года, который мне пришлось носить во время нашей с Кирнаном последней вылазки. Да, *тогда* ему было лет восемь, и мне приходилось опускать взгляд, чтобы увидеть его.

Застегнув последний ремешок на туфле, я встаю. Кирнан в этот момент слегка отодвигает мои волосы в сторону.

⁴ Девушки Гибсона – идеал женской красоты, созданный американским иллюстратором Чарльзом Дана Гибсоном на рубеже XIX и XX столетий.

– Может, мне лучше собрать их? Не хочу привлекать внимание полиции нравов, – говорю я, но мой голос прерывается, когда я замечаю его взгляд на моем шраме.

– Нет, – говорит он. Голос звучит жестче: – Оставь так.

– Кирнан, все в порядке. Правда. Он уже совсем не болит, немного макияжа, и никто его не заметит. – Он, вероятно, помнит, что я редко пользуюсь косметикой, если только другая-Кейт не имела обратных наклонностей. Но мне нужно что-то сказать, потому что невозможно смотреть на его обиженное лицо. – Ты сделал все что мог. Я могла бы умереть, но я все еще здесь, верно? Вполне здорова. И готова спасти наш мир.

Его губ касается легкая улыбка, а потом он наклоняется и прижимается к шраму, почти невесомо, только на мгновение. Я чувствую, что напрягаюсь, и отступаю назад. Он мягко повторяет:

– Оставь. Мне нравится так. И мне плевать, что думают эти надзирательницы Бостона.

Кирнан щелкает маленьким металлическим крючком, который запирает тонкий деревянный лист, служащий импровизированной дверью между табачной лавкой и этим складом.

– Подожди, – говорю я. – Ты сказал, что Джесс – твой друг, но как много он знает? То есть знает ли он, что я из будущего?

Он качает головой.

– Тогда как же, по его мнению, я сюда попадаю?

– У меня есть ключ от магазина. – Он достает его из кармана и подбрасывает на ладони, прежде чем спрятать обратно. – Я работал здесь некоторое время. И даже ночевал в этой кладовке несколько месяцев. Когда мы с тобой встречаемся здесь, я всегда прихожу, когда здесь закрыто или когда он отлучается на несколько минут.

– Что именно, по его мнению, мы здесь делаем?

На лице Кирнана снова расцвела ухмылка:

– Как я уже сказал, он мой друг. А джентльмены не задают лишних вопросов. Ты ему нравишься, Кэти. Просто улыбнись ему и скажи спасибо.

– Спасибо за чт... – начинаю я, но он уже распахивает дверь, так что я натягиваю улыбку и выхожу следом за ним.

Кирнан сказал, что Джесс его друг, так что я ожидала увидеть кого-то в возрасте двадцати лет, или, по крайней мере, чуть моложе моих родителей. Я определенно ожидала увидеть кого-то моложе Кэтрин и Коннора. Этот парень выглядел так, будто ему за восемьдесят. У него седовато-белая борода, достоящая до середины груди, и он слегка горбится, доставая из маленького деревянного ящика стеклянную банку с синельной проволокой. Я с удивлением замечаю, что синельная проволока в 1905 году во многом такая же, как и сегодня, за исключением того, что она белая, а не ярко-неоновая, как та, которую мы использовали для поделок в детском саду.

Услышав звук закрывающейся двери, старик поднимает голову. Он слегка прищуривается, затем широкая улыбка озаряет его обветренное лицо.

– Мисс Кейт! Я очень рад снова видеть тебя! Ты плохо обошлась со мной, вот так сбежав. – Он медленно приближается к нам и крепко обнимает меня. Сначала я немного напрягаюсь, но он пахнет тепло и знакомо, очень похоже на табак, который я нашла в его кладовке. Через мгновение я отвечаю на его объятия, бросая на Кирнана вопросительный взгляд. *Кто этот мужик?*

– Я же говорил тебе, что она вернется, Джесс. Она просто была... сначала в Нью-Йорке, потом в Вашингтоне. С бабушкой.

Джесс бросает на меня скептический взгляд, а потом смеется:

– А мне кажется, ты просто пожадничал и спрятал ее ото всех. Как я уже говорил тебе, Кейт, когда ты устанешь от его игр, просто дай мне знать, и я скажу своей Амелии, что она может собирать свои вещички.

– Да ладно тебе, старый ты похотливый козел, – говорит Кирнан. – Этот магазин завтра же закроется, если Амелии не понравится твое поведение, и ты это прекрасно знаешь.

Я удивленно приподнимаю бровь, услышав слова Кирнана – вот вам и уважительное отношение к старшим в «старые добрые времена». Но Джесс только хихикает и бросает Кирнану маленькую деревянную коробочку, которую тот легко ловит одной рукой.

– Отнеси это в дальнюю комнату, парень. И не забудь поставить ее на верную полку, иначе мои старые глаза ее не найдут. А я принесу из холодильника то, что нужно мисс Кейт.

Джесс уходит, шаркая, и Кирнан наклоняется ко мне:

– Имбирный эль, – шепчет он, прежде чем вернуться в кладовую.

И это действительно имбирный эль, бледно-коричневый, в высокой прозрачной бутылке, на которой выгравированы слова «Clicquot Club». Джесс избавляется от крышки открывалкой, прикрепленной к стойке сбоку, втыкает бумажную соломинку и протягивает мне.

– Благодарю.

– Не стоит благодарности.

Я делаю большой глоток содовой, и меня тут же охватывает приступ кашля. Ощущение, будто вдохнула сырого имбиря, пряно-сладкого и настолько мощного, что перехватывает дыхание.

– Ты в порядке? – смеется Джесс. – Ты должна была уже привыкнуть. Эту дрянь нужно пить аккуратнее.

К тому времени, как я отдышалась, Кирнан успел вернуться. Теперь и он смеется.

Я бросаю на него раздраженный взгляд и улыбаюсь Джессу:

– Да, я в порядке. Наверное, не в то горло попало. Сколько я тебе должна?

Как только эти слова слетают с моих губ, я вспоминаю, что все мои деньги лежат в кармане свитера, в кладовой. И все они датируются не ранее чем 1950-ми годами. Поэтому я испытываю облегчение, когда Джесс говорит:

– Ни пенни, и ты это знаешь, юная леди. Просто не забудь еще раз поблагодарить своего дядю за меня.

Кирнан обнимает меня за плечо и тянет к двери, на ходу хватая два темно-коричневых леденца из маленькой банки, стоящей на краю прилавка.

– Таблеток у тебя достаточно, Джесс?

Старик кивает и снова улыбается:

– Должно хватить до конца года, если только не обострится. – Он переводит взгляд на меня. – Если твой дядя когда-нибудь решит продать еще этих маленьких красавиц в Бостоне, дай мне знать. Я освобожу целую полку.

Я пытаюсь скрыть свое замешательство и успеваю слегка махнуть рукой Джессу, когда Кирнан выводит меня на тротуар.

– Что это было? – спрашиваю я, как только мы оказываемся вне пределов слышимости.

Кирнан движется к внешнему краю узкого тротуара, который немного выше грязной проезжей части. Он берет меня за руку и, пройдя несколько витрин, ведет к перекрестку с более широкой мощеной дорогой. Около дюжины повозок, запряженных лошадьми, несколько велосипедов и одинокий автомобиль осторожно двигаются по дороге, лишь немного опережая нас.

– Джесс думает, – отвечает Кирнан, – что твой дядя работает аптекарем в Нью-Йорке и торгует одним уникальным препаратом от артрита. Ты упаковала немного противовоспалительного в старую жестяную коробку, и с тех пор Джесс чувствует себя намного лучше.

– Вау. Кэтрин бы наверняка взбесилась.

– Кэтрин не обязательно знать об этом. По крайней мере, раньше ты говорила так...

Кирнан замолкает, вероятно заметив выражение моего лица. Мне начинает немного надоедать то, что меня путают с другой-Кейт. Я впервые вижу Джесса, и, конечно, я не могла бы сказать ничего подобного. Но вряд ли ситуация улучшится, если я снова напому Кирнану,

что я не *она*, что она даже не существует в этой временной линии. Он знает это лучше, чем кто-либо другой.

– Подожди... – останавливаю его я. – Почему Джесс помнит другую... *меня*? У него ведь нет ключа ХРОНОСа.

– Эм... нет. Но я был у него дома, когда произошел сдвиг. Тот самый, который... забрал тебя. Понимаешь, от этих временных сдвигов у меня кружится голова.

Я киваю. Даже воспоминания о тех случаях, когда я ощутила эти изменения, бросают в дрожь. Когда произошел последний, я рухнула на пол, в то время как вокруг меня в кабинете тригонометрии образовывалась новая реальность.

– Так вот, – продолжает Кирнан, – Джесс увидел выражение моего лица и схватил меня за плечо, когда я споткнулся. И бедняга с тех пор балансирует между двумя наборами воспоминаний: одним, в котором киристов можно было по пальцам пересчитать, и другим, в котором одна из его дочерей киристка. Он помнит о внуке, которого никто, кроме него, не знает. Его семья решила, что он пережил инсульт или свихнулся, хотя во всем остальном он бодр как огурчик.

– Печально, – я делаю еще один осторожный глоток имбирного эля и оглядываюсь через плечо на витрину: «*Джон Джессап, отличный табак и всякая всячина*» – и задаюсь вопросом, сколько еще людей случайно соприкоснулись с медальоном или с кем-то, кто его носит. И сколько из них находятся в психиатрических лечебницах? – Мне жутко не нравится то, что его втянули во все это. Но он, кажется, справляется с этим, учитывая обстоятельства.

Кирнан одаривает меня улыбкой:

– Он убежден, что свихнулись все остальные, – Кирнан откусывает кусок леденца, и странный, тошнотворно-сладкий запах наполняет воздух. Я морщусь нос.

– Что это за штука?

– Конфеты из шандры, – говорит он, похрустывая. – Хочешь? – машет леденцом у меня под носом.

– Нет, – отталкиваю его я. – Пахнет ужасно. Мне не нравится.

На его лице проскальзывает тень дразнящей улыбки.

– Конечно, любовь моя. Они никогда тебе не нравились.

* * *

Его дом оказался немного дальше, чем я себе представляла, хотя я предполагаю, что фраза «это недалеко отсюда» может иметь немного другое значение в 1905 году. Кирнан ловко уводит меня подальше от зданий, у стен которых лужи отходов гниют под летним солнцем. Я понимаю, что у жильцов нет выбора, учитывая отсутствие системы канализации, но все же из-за этого нашу прогулку сложно назвать приятной.

Когда мы добираемся до его дома, компания исхудалых, чумазных детей сидит на корточках в подъезде, играя в камешки, а когда мы поднимаемся на пятый этаж, встречаем несколько других, сидящих на лестничных площадках. Кирнан останавливается на последней площадке, чтобы поболтать с белокурым мальцом лет шести.

– Маленький тест на знание манер, Гейб. У меня есть лишний леденец. Заберешь его или мне сначала предложить его этой даме?

– Ты должен предложить это ей, – говорит мальчик, оценивая меня своими большими голубыми глазами. – Но я возьму его, если она не захочет.

Я улыбаюсь мальчику и толкаю Кирнана в плечо.

– Хватит его мучить. Ты же знаешь, что я не хочу этой гадости.

Кирнан ухмыляется и достает из кармана леденец. К нему прилипло немного ворса, но малыш даже не потрудился его осмотреть.

– А ты что скажешь, Гейб? – спрашивает Кирнан.

Мальчик отвечает что-то, похожее на «спасибо», что было довольно трудно разобрать, ведь он уже с энтузиазмом принялся за конфету.

Мы пересекаем коридор, и Кирнан открывает дверь с надписью «№ 411». Комната аккуратная, маленькая и душная. На полу перед дверью лежит какая-то белая крошка, и я подозреваю, что это осыпающийся потолок. Двухспальная кровать с потертым стеганым одеялом втиснута в дальний правый угол, рядом со старым ящиком из-под табака, который служит тумбочкой, а к стенам прикреплена веревка с куском красной ткани, натянутой так, чтобы образовать занавес, закрывающий противоположный угол от чужих глаз. Повсюду громоздятся стопки книг.

Одинокое окно выходит на аллею. Сначала мне кажется, что именно поэтому его комната напоминает мне мою собственную в мамином таунхаусе. Я не раз ударялась головой о свой низкий потолок, а я всего на сантиметров восемь выше полутора метров, так что здесь должно быть немного тесновато для такого высокого человека, как Кирнан.

Затем я замечаю другую причину, по которой комната выглядит так знакомо. Потолок Кирнана покрыт светящимися в темноте звездами, такими же, как и в моей комнате.

Кирнан закрывает за нами дверь, бросает сумку с моими туфлями и свитером на кровать и открывает окно. Он сидит на полу, скрестив ноги, и подсовывает под кровать увесистую книгу.

– Садись. Здесь нет стула, поэтому придется либо на кровать, либо на пол, – он выглядит немного напряженно и, кажется, избегает моего взгляда, как будто что-то ищет.

Я сажусь на край кровати и снова оглядываю комнату. Не хочу спрашивать, но все равно выпаливаю:

– Это то место, где ты жил... раньше? То есть когда?..

– Да.

Я чувствую, как румянец приливает к моим щекам. Судя по тому, что сказал Кирнан, другая версия моего тела, на несколько лет старше, да – но все же моего тела, – провела здесь с ним немало часов. В этой самой кровати. Я прикусываю губу и придвигаюсь чуть ближе к краю.

– Я думал переехать куда-нибудь еще, может, поближе к работе, к Ньютону, – говорит он, все еще не глядя на меня, – но я хочу еще немного побыть рядом с Джессом. Ему нужно общение с кем-то, кто не считает его сумасшедшим. И здесь недалеко от поезда, так что...

– Ты больше не работаешь на Джесса?

Он качает головой, отвечая:

– Я иногда помогаю ему, но он уже не может позволить себе держать меня на полной ставке. И у меня есть кое-что еще. Кое-что, над чем мы... над чем я работал раньше. – Кирнан берет с тумбочки перочинный нож, обнажает тонкое лезвие и начинает ковырять одну из половиц. – Эта дурацкая доска опять застряла, – говорит он. – От жары половицы постоянно раздуваются.

– Так... где ты сейчас работаешь?

– Наверное, это можно назвать парком развлечений, – он на мгновение поднимает голову и одаривает меня своей ухмылкой. – Приходи в субботу и увидишь меня в действии.

Он не ждет ответа. Просто дергает доску, вытаскивает ее, а затем стучит костяшками пальцев по нижней стороне кровати. Я ожидаю, что он вручит мне настоящий список, написанный на бумаге, но это дневник ХРОНОСа.

– Не знала, что он у тебя есть.

– Есть, – говорит он, разглядывая свои ободранные костяшки. – Но это не мой. Он...

Кирнан останавливается и делает глубокий вдох, прежде чем продолжить:

– Ее. Он принадлежал Кейт, ты можешь взять его. Тебе он понадобится больше, чем мне.

Я открываю тонкую книгу, которую можно описать как застрявший в обложке старой брошюры iPad из двадцать четвертого века. В ней есть страницы, похожие на сенсорные экраны. Не считая обложки, этим устройством с трудом можно было бы обмануть кого-либо, кто хоть немного попробовал бы его изучить в восемнадцатом веке или в любом другом, где бы ни была другая-Кейт, но все же это немного лучше, чем просто открывать высокотехнологичное устройство прямо у всех под носом.

На обложке от руки написано имя моей бабушки, как и в дневнике, который она дала мне, когда впервые сообщила, что я унаследовала способность активировать эти устройства. Я провожу пальцем по первой странице. Слова, написанные цветистым почерком, который явно не похож на мой, начинают прокручиваться вверх.

– Исследования Кэтрин хранятся на первых нескольких страницах, – говорит Кирнан, – но если ты пролистаешь дальше, сможешь найти более новые записи, с довольно подробной информацией о перемещениях, которые ты совершала – что пошло по плану, что пошло не по плану и прочее.

– Вау, впечатляет. Это сэкономит нам немало времени. Кэтрин будет...

– Эм... слушай. Возможно, тебе лучше проверить записи, прежде чем показывать их кому-либо. Некоторые из них – сплошная брань, в основном о Кэтрин. Возможно, тебе захочется выбрать из всего этого что-то, чем можно поделиться. И тебе не... – он качает головой и продолжает: – У Кейт не хватало терпения все писать вручную. Поэтому все ее заметки записаны на видео, так что тебе, вероятно, стоит подождать, прежде чем возвращаться домой.

Об этом не может быть и речи. Я не люблю смотреть на себя даже на обычных семейных видео, поэтому мне и без Кирнана будет достаточно трудно просматривать записи в дневнике, оставленные этой мной-которая-не-я, и ему, вероятно, все еще больно слышать ее голос, который, конечно, такой же, как и у меня, поэтому я просто с минуту сижу молча.

Чувствую мягкое прикосновение к своей лодыжке.

– Что-то не так, Кейт?

Я качаю головой, а он только вопросительно поднимает брови. Он знает, что я что-то скрываю. Но я не знаю, как выразить словами то, что я чувствую.

– Все в порядке там, в двадцать первом веке?

Я киваю, отвечая:

– Кэтрин с Коннором вернулись из поездки. Она набрала несколько килограммов, так что, думаю, ей стало немного лучше. Мы с папой перевезли наши вещи из коттеджа в кампус, так что половину недели я провожу у Кэтрин, а вторую половину – с мамой. И я снова занимаюсь карате, если это можно так назвать, – беру частные уроки у сэнсэя Барби, как бы забавно это ни звучало, дважды в неделю.

Он странно смотрит на меня, и я понимаю, что в его голове возник не тот образ, который стоял у меня перед глазами, когда я впервые услышала это имя: высокая длинноногая блондинка с конским хвостом и непропорционально большими сиськами. На самом деле она всего на пару сантиметров или около того выше моих полутора метров восьми сантиметров, почти вдвое тяжелее меня и каждый понедельник и среду выжимает из меня все соки в течение часа, даже не моргнув. Кирнан, вероятно, даже не знает, что такое сэнсэй, так что я просто продолжаю:

– А еще я отпраздновала свое семнадцатилетие. Снова. В общем, в основном все как раньше. Если не считать случайных путешествий в пространстве и времени.

И моих снов, но я не упоминаю ни о них, ни о том, что последние несколько месяцев прошли очень непривычно. Прошлой весной, когда я еще жила в другой временной линии, я старалась успевать за школьной программой, хотя не могла посещать школу по той простой причине, что не было никаких документов, подтверждающих мое существование. Поэтому занятия в последние несколько недель моего первого года в старшей школе относительно легко мне дава-

лись, за исключением случаев, когда я натыкалась на что-то новое для меня в этой реальности – какого-нибудь президента или известного писателя, ученого или изобретателя, о котором я никогда раньше не слышала.

А еще было странно наблюдать те события в Брайар Хилл, о которых я слышала от Трея в предыдущей временной линии, учитывая то, что в этой реальности Трея в Брайар Хилл не было до самой осени. Например, объявление о выпускном бале, которое повесили в мае. Раньше я бы прошла мимо него и никогда бы не подумала идти. В предыдущей временной линии Трей сказал, что никогда бы не пошел без меня, но мы были бы рады пойти вместе. Думаю, что в этот раз могла бы попросить его пойти со мной, но мы еще не на той стадии, когда можно приглашать на выпускной бал.

Так что да, все было странно. И я даже не могу пожаловаться на все эти странности своей лучшей подруге Шарлейн, потому что она меня не знает. В этой реальности она, вероятно, тусуется со своими подружками-киристками, совершенно не подозревая о том, что когда-то мы были друзьями.

Темные глаза Кирнана мягко наблюдают за мной. Его рука покоится на раме кровати, а ладонь обхватывает мою лодыжку, заставляя меня судорожно вздохнуть.

– А Трей? Ты часто с ним видишься?

– Да.

Он вскидывает брови, будто не верит мне.

– Правда, все замечательно. Он собирается прийти сегодня вечером, кстати.

А вот это уже правда. Трей почти не был в Вашингтоне с тех пор, как я отдала ему DVD с нашими видео-чатами и видео его самого, или, скорее, его альтернативного «я», пытающегося объяснить наши отношения. Мы сходили в кино на выходных после того, как я дала ему DVD, и было чудесно видеть его, но все прошло, мягко говоря, неловко. Мне все время хотелось сказать (и сделать) то, о чем я обычно никогда не рисковала говорить на первом свидании, и мне приходилось отстраняться и напоминать себе, что на самом деле он не был моим Треем, по крайней мере пока. Я чувствовала, что ему тоже было неловко. Он собирался прийти на ужин позже на той неделе, но его отец внезапно сообщил ему о трехнедельной поездке в Перу, чтобы навестить друзей, которых Трей завел, живя в Лиме. Мы пару раз переписывались, и Трей выложил несколько живописных фотографий на Facebook, но большую часть времени он проводил на пляже.

Он уже вернулся, и ужин будет сегодня вечером. И хотя я очень, очень жду встречи с ним, вместе с тем я очень боюсь этого. Каждый раз, когда я с Треем и это не похоже на то, что было у нас раньше, – что-то внутри меня медленно угасает.

Я понятия не имею, почему я просто не рассказала Кирнану правду. Что я почти не видела Трея. Что все далеко не так прекрасно. Я только открыла рот, и ложь просто вырвалась наружу, и теперь я чувствую себя немного виноватой.

Очевидно, моя ложь была не сильно убедительной, потому что он одарил меня этой грустной, сочувственной улыбкой:

– Но все уже не так, как раньше. Правда?

Конечно, все *не* так, как раньше. Пока нет, но я не собираюсь сдаваться. И мне не хочется быть жестокой, давая Кирнану ложную надежду, поэтому я просто пожимаю плечами и говорю:

– Рим не был построен за один день, верно?

– Да. Наверное. – Он бегло сжимает мою лодыжку и отпускает. Я рада, но в то же время немного волнуюсь, понимая, что скучаю по его прикосновениям.

Я перелистываю страницы дневника и на самой последней нахожу цифры, расположенные в определенном порядке. Они подчеркнуты, как и названия тех видео, которые я смотрела в дневниках, но только у пары из них указаны даты или названия после цифр. Ссылка внизу страницы гласит «28», но, когда я касаюсь поля кончиком пальца, страница начинает прокру-

чиваться вверх. Она прокручивается около полуминуты, и последняя цифра – 415. Это займет целую вечность.

– Здесь так много всего. У тебя, случайно, не найдется версии для чайников?

Кирнан выглядит озадаченно.

– Это означает краткую версию, – смеюсь я. – Ну, шпаргалки?

Он качает головой.

– Я почти ничего из этого не смотрел, – говорит он. – Только последние двадцать или тридцать, решив, что они помогут мне узнать, куда она пропала, но когда я увидел тебя в метро в тот день, я понял, что это бесполезно. Если эта версия тебя существует, то другой быть не может. И спустя какое-то время, когда я скучал по ней, я просмотрел несколько записей, которые она записывала, когда была здесь, но... – Он качает головой.

– Ты уверен, что не хочешь оставить его себе?

– Все в порядке, Кейт. Забери его.

– Может, я сделаю тебе копию или что-нибудь в этом роде?

– Нет. По большей части это ее личный дневник. Я не смотрел эти записи, когда она была... когда она была здесь со мной. И смотреть их теперь кажется не совсем правильным. Они не вернут ее мне.

Когда он говорит это, я вспоминаю все те долгие часы, которые я проводила, вновь и вновь просматривая наши разговоры с Треем. Смотреть их в последние несколько месяцев было очень горько, но все же есть еще шанс, что мы с Треем когда-нибудь будем вместе. Стала бы я хранить эти видео, если бы знала, что надежды нет? Не думаю.

Я слабо улыбаюсь ему.

– Может, у тебя есть что посоветовать мне? Какое из этих перемещений прошло более-менее просто?

– Порт Дарвин, если хочешь сначала разобраться с простыми. А вот с перемещением в 1938 год я бы посоветовал не спешить. С тем, которое в Джорджию. Мы оставили его напоследок, и... все прошло не очень удачно. Если хочешь разбираться со всем этим в том же порядке, что и она, тебе уже пора начинать подтягивать свой русский.

– Но... Я не говорю по-русски.

Он кивает.

– Я знаю. Но тебе придется выучить хотя бы несколько фраз, чтобы найти историка, который изучает реакцию советских людей на... не могу вспомнить название. Какая-то космическая штука... середины 1950-х?

– «Спутник»? – я вскидываю ладони вверх. – Ты это серьезно? Что за сумасшедшие люди решили наблюдать за историческими событиями в условиях диктатуры? Одно неверное движение, и я могу оказаться в чертовой тюрьме где-нибудь в Сибири.

– Уверен, что в дневнике, который ты держишь, найдется длинная тирада и на эту тему, – поддразнивает он. – Если это как-то тебе поможет. Мы так и не нашли ключ, так что, надеюсь, тебе удастся увидеть что-то новое в записях.

Наверное, по выражению моего лица ясно, как сильно я в этом сомневаюсь, потому что он смеется.

– Полагаю, ты тоже не говоришь по-русски? – спрашиваю я.

Он отрицательно качает головой.

– Если бы перемещение было в Ирландию, я бы помог тебе с парой гэльских фраз. Но из русского я знаю только «борщ», «да» и «нет». И «досведанья».

– Ну, это уже на четыре слова больше, чем знаю я. Наверное, мне придется скачать Rosetta Stone⁵. Похоже на то, что впереди меня ждет еще много работы.

⁵ Rosetta Stone – программный продукт, предназначенный для обучения иностранным языкам с помощью компьютера.

– Да. Я знаю, ты справишься. – Он одаривает меня улыбкой, и я уверена, он хотел таким образом подбодрить меня. К сожалению, получается наоборот. Возможно, другая-Кейт была готова к такому вызову, но все это не свалилось на нее в одночасье.

– А я не уверена в этом, – протестую я. – Не то чтобы я получала удовольствие от ожидания предстоящих перемещений. Ведь я могу совершить ошибку, и все станет еще хуже...

Его улыбка увядает.

– Разве можно сделать что-то хуже того, что задумал Сол?

– Если они правда приводят в действие этот план с Отбором, то нет, но... – Я замолкаю на мгновение, а затем продолжаю, тщательно взвешивая свои слова: – Не пойми меня неправильно, ладно? Я не говорю, что не доверяю тебе. Но насколько ты в этом *уверен*? Ведь существует множество религий, в которых говорится о конце света и о том, что лишь уверовавшие будут спасены. Может быть, Сол просто хотел разбогатеть и обрести власть и они с Пруденс просто... – я пожимаю плечами, глядя вниз. В моей голове возникает образ их, лежащих в куче купюр, там они безумно смеются – но я не решаюсь сказать об этом вслух.

– Я уверен, Кейт, – тихо говорит он. – И ты тоже.

– Нет! – Я поднимаю голову и смотрю ему прямо в глаза. – Может быть, *она* была уверена. Но не я. Я ни в чем не уверена, кроме того, что не знаю, что делаю. И даже если *ты* уверен, их Отбор может быть запланирован через сто лет в моем будущем и через двести в твоём. Возможно, самым мудрым решением будет подождать, пока...

– Пока что? – спрашивает он, повышая голос. – Пока киристы не обретут еще больше власти?

– Пока я не пойму, какого черта я делаю! Ты сам сказал минуту назад, что этот прыжок был легким. У меня было видео, записанное их сыном. У нас с папой такие же зеленые глаза, как у Тимоти. Я прекрасно знала, где их искать. Господи, да они хотя бы говорили по-английски! Остальные перемещения не будут так просты, и в следующий раз, когда кто-то попытается убить меня, возможно, я не смогу отделаться только шрамом.

Он не отвечает, и мне жаль, что я не могу взять свои последние слова обратно. Я не хотела, чтобы это звучало как упрек, я правда уверена, что мне повезло в ту ночь, которая оставила о себе лишь это маленькое напоминание, но по выражению лица Кирнана я понимаю, что он принял мои слова близко к сердцу.

Я смягчаюсь:

– Мне очень жаль. Я не хочу спорить с тобой, Кирнан, и я определенно не говорю, что отступаю. Но я также не хочу лезть не в свое дело. Я просто хочу тщательно спланировать следующие шаги.

Он на мгновение опускает взгляд на свои руки.

– Верно. По прошлому опыту могу сказать, что не думаю, что Кэтрин понравится мое участие в планировании, но я хочу помочь. Просто скажи мне, что тебе нужно.

Я киваю и одариваю его неуверенной, добродушной улыбкой, затем наклоняюсь вперед и расстегиваю туфли. Когда я достаю свитер и другую пару туфель из сумки на шнурке, мои пальцы касаются края чего-то прямоугольного на дне. Это еще один дневник. Бросив на Кирнана вопросительный взгляд, я вручаю ему и дневник, и сумку.

– Он принадлежал моему деду, – говорит он. – Там все в основном на гэльском, и, как я уже говорил, мой гэльский довольно слаб. Я просто использую его для поля ХРОНОСа. Даже с этими усиливающими ячейками, вшитыми в подол, платье бы тут же исчезло в магазине Джесса, будь оно вне пределов досягаемости дневника или ключа.

Сменив туфли, я сразу же встаю, чтобы расстегнуть липучку на спине платья, но Кирнан меня опережает. Ткань падает на пол, оставляя меня в кофте и юбке, которые я надевала в Далласе. Он на мгновение кладет руки на мои голые плечи, а затем помогает надеть свитер.

– Ты отнесешь платье и туфли в кладовую? – спрашиваю я.

– Я *мог бы*, – говорит он. – Но, возможно, было бы разумнее оставить их здесь и сделать эту комнату стабильной точкой. Так ты сможешь просто выводить местоположение и проверять, дома ли я. И тебе больше не придется пробираться тайком и оставлять записки для Джесса.

Звучит как хорошая идея, но я сомневаюсь.

– Я не хочу вторгаться в твою личную жизнь.

Мои слова возвращают ухмылку на его лицо, хотя теперь он пытается ее скрыть.

– А если я пообещаю одеваться и раздеваться за занавеской?

Я даже не задумывалась об этом аспекте его личной жизни, но внезапно мне становится трудно думать о чем-то другом.

– Если платье будет все время здесь, это не будет напоминанием о том времени... когда она была рядом?

– Это не имеет значения, Кейт. На самом деле я никогда не бываю один в этой комнате. – Он следит за моим взглядом, следующим к потолку, и улыбается. – И дело не только в звездочках, которые ты... *она* приклеила к моему потолку. Мне не скрыться от воспоминаний. Твое платье и туфли под моей кроватью ничего не изменят.

Я снова смотрю на звездочки. Почему-то их присутствие не дает мне покоя, как тайна, которую нужно разгадать, но я не могу понять как. Может быть, вся странность в том, что я купила их в «Спенсерс», а теперь они в этой крошечной квартире, где нет ни туалета, ни электричества, ни водопровода.

Я достаю ключ ХРОНОСа из-под свитера и провожу рукой по центру, активируя его, нажимая несколько клавиш, необходимых для установки этой комнаты в качестве места перемещения. Затем вывожу координаты дома Кэтрин, чтобы вернуться, но Кирнан кладет руку мне на плечо.

– Ты придешь в субботу? Я очень хочу, чтобы ты увидела парк Норумбега. Если ты будешь здесь к десяти, у нас будет время посмотреть достопримечательности до того, как я начну.

– До того, как ты начнешь что?

Он качает головой.

– Не скажу. Ты должна прийти и посмотреть.

В его глазах пляшут озорные огоньки, и в этот момент он очень похож на себя восьмилетнего, ожидающего моего решения нанять его в качестве сопровождающего на выставку. Кто смог бы отказать этим большим, темным, щенячьим глазам?

Я смеюсь.

– Ладно, ладно. Ты победил.

И хотя я не хочу давать ему ложную надежду, по его улыбке я могу сказать, что я уже это сделала.

3

В планировании утренних перемещений есть определенная проблема, особенно когда уходит четыре попытки на то, чтобы сделать все правильно, и ты решаешь добавить еще одно двухчасовое путешествие. Я прошла больше километра в каждом из четырех перемещений в Далласе и почти столько же в Бостоне, нагретом жарким июльским солнцем. Когда я была там, всплеск адреналина от нахождения вне своего времени и места заставлял двигаться, но последствия немного похожи на смену часовых поясов. И то, что я ужасно спала этой ночью, нисколько не помогло. С тех пор как я вернулась с выставки, у меня, кажется, было не больше трех ночей без кошмаров.

Так что, несмотря на то что мои внутренние часы уверяли, что уже почти полночь, часы на микроволновке показывали совсем другие цифры, когда я возвращалась в дом Кэтрин. 10:32, ровно минуту спустя после моего последнего перемещения в Даллас. Кэтрин, Коннор и папа все еще сидят за кухонным столом и пьют кофе. Дафна все еще гоняется за белкой на заднем дворе, радуясь двери и десятку метров между ней и активированным ключом ХРОНОСа.

– Ну что? – Кэтрин заговорила первой, но наклонились вперед все трое.

Я достаю из кармана два медальона и бросаю их на стол вместе с дневником.

– Плюс два. Получается четырнадцать, если считать те два, что у Кирнана, так что осталось десять, верно?

Она кивает и тянется к дневнику.

– Я не собирала дневники, но это хорошая идея, – она открывает его, а потом снова смотрит на меня, приподняв бровь. – Этот не Эвелин и Тимоти. Это один из моих.

Я не подумала об этом, когда бросала дневник на стол.

– Эм... да. Я остановилась в Бостоне, чтобы получить информацию, которую, по словам Кирнана, они успели собрать. В другой временной линии, – я указываю на дневник, – там ее записи.

– Значит, ты задержалась в Бостоне и заставила нас ждать? – говорит Коннор.

– Вы ждали в общей сложности шестьдесят секунд, и моя остановка в Бостоне нисколько на это не повлияла. А теперь мы можем приступить к планированию наших следующих шагов. Я все еще беспокоюсь, что мы оставим какой-нибудь след во временной линии, который предупредит Сола и Пруденс о нашем плане, прежде чем мы закончим. И теперь я еще больше волнуюсь, потому что Кирнан говорит, что следующее перемещение будет в Россию, или, по крайней мере, в прошлый раз мы пытались совершить следующим именно это перемещение.

Кэтрин собирается сказать что-то еще, но вмешивается папа:

– Как они отреагировали? Что они сказали? – Он делает глоток кофе и пытается выглядеть беззаботным, но я знаю, о чем он думает. Я только что видела его родителей, которых он даже не помнит. Он захочет слышать каждое их слово, представить каждое выражение лица, каждый жест.

– О, папа. Прости. Я совсем забыла. – Я сажусь с ним в уголок для завтрака и крепко обнимаю. – Я не знаю, соответствует ли это протоколу ХРОНОСа, – говорю я, оглядываясь на Кэтрин и Коннора, – но я сняла несколько минут видео. Но прежде, чем ты посмотришь его, я должна убедиться, что ничего не испортила. Тебя усыновили Джон и Тереза Келлер, верно?

Он кивает, и я продолжаю:

– Ты все еще преподаешь математику?

Еще один кивок.

– И тебя все еще зовут Альфонс?

Шутить над отцом в такой уязвимый момент, вероятно, было очень гадко с моей стороны, и если полиция кармы существует, то, уверена, я уже заработала пару штрафов. Но выражение его лица поистине бесценно.

– Я шучу, папа. Но, по-видимому, ты был довольно близок к этому. Тебя чуть не назвали в честь твоего дедушки. Я не знаю, почему они изменили решение.

– Пожалуйста, скажи мне, что это ты вступилась за своего беспомощного, еще не рожденного отца и настояла на том, чтобы они передумали, – говорит папа.

– Нет. Я ничего тебе не должна, раз уж ты не вмешался и позволил маме назвать меня в честь Пруденса.

Папа ухмыляется.

– Ладно, твоя взяла. Хотя я правда думаю, что «Альфонс» еще хуже.

– Ну, не знаю, – я протягиваю ему телефон с видеозаписью и направляюсь к кофейнику. – Я могла бы называть тебя Альфи. Или ты мог бы стать прототипом Фонзи⁶.

– В пятидесятые годы меня еще не существовало, – говорит он. – И если бы в восьмидесятых я ходил в кожаной куртке и тянул «Э-э-эй», мне бы каждый день надирали задницу за то, что я гик.

Когда я снова возвращаюсь к столу, Кэтрин уже держит дневник и щелкает по нему, пытаюсь активировать одну из видеозаписей. Голографическое изображение, очень похожее на меня, всплывает над дневником и начинает говорить.

– Кэтрин! Что ты делаешь? – Я пересекаю кухню в два шага, пролив кофе на свои туфли. Выхватываю дневник из ее рук и выключаю видео. – Это личное!

– А что здесь такого, – возражает Кэтрин. – В конце концов, это мой дневник, и, возможно, в этих записях есть то, что мне нужно узнать. – Она оглядывает стол. – Хотя, наверное, нам стоит просмотреть его наверху. Немного невежливо делать это здесь, ведь Коннор и Гарри не смогут видеть и слышать все то, что...

Я прижимаю дневник к груди.

– Нет. Я еще даже не смотрела эти видео. Я посмотрю их наверху, и, если найду что-то важное, расскажу тебе. У тебя это может занять в два раза больше времени.

Кэтрин в состоянии видеть и слышать видео в дневниках, и даже просматривать некоторые места перемещений в журнале стабильных точек, но ген ХРОНОСа, кажется, мутирует и деградирует со временем, или, возможно, это связано с опухолью и ее лекарствами. Ей трудно удерживать внимание в течение долгого времени. В прошлом она шутила, что это все равно что идти по туннелю, разговаривая по мобильному телефону – связь часто прерывается, но, когда я упоминаю об этом, ее взгляд становится острее. Очевидно, сегодня она не в настроении шутить об этом.

– А что, если ты упустишь что-то очень важное? – спрашивает Кэтрин. – Я гораздо лучше тебя знаю, чем мы здесь занимаемся. Какая-нибудь важная деталь легко может остаться незамеченной. И позволь напомнить тебе, что мои записи ты просмотрела – по крайней мере, те, которые имели отношение к твоему перемещению в 1893 год.

Ладно, это правда. Я смотрела личные записи Кэтрин, готовясь к путешествию на Всемирную выставку. Но она знала, что было в этих дневниках, когда передавала их мне. Более того, Кэтрин, которую я видела в этих записях, была частью ее далекого прошлого.

А я, в свою очередь, абсолютно не представляю, что найду в этих видео, кроме предостережения Кирнана о том, что здесь могут быть некоторые вещи, которыми я не захочу делиться. Да, Кейт в этом видео не совсем я, но мысль делиться содержимым дневника мне не нравится. Эта Кейт – не часть моего прошлого, но часть некоего альтернативного настоящего и буду-

⁶ Фонзи (Артур Гербет Фонзарелли, он же Фонз, он же Фонзи) – персонаж популярного американского ситкома «Счастливые дни».

щего. Я даже не уверена, хочу ли *сама* смотреть эти видео, и я абсолютно точно знаю, что не посмотрю их в одной комнате с бабушкой, особенно после слов Кирнана о том, что там полно разговоров о ней.

Я копирую упрямое выражение лица Кэтрин.

– Это не обсуждается, Кэтрин. Когда я решу, какие из этих записей имеют отношение к нашей работе, ты сможешь их просмотреть. А пока ты ждешь, может, закажешь мне курс изучения русского языка? Кирнан сказал, что Москва будет следующей, если мы будем следовать тому же порядку, что и в прошлый раз, хотя я бы скорее отправилась сначала в Австралию. Он сказал, что там все прошло довольно легко.

Кэтрин морщится.

– Эдриен... Трудно поверить в то, что она захочет сотрудничать. Хотя «*легко*» звучит правдоподобно.

Я понятия не имею, что она имеет в виду, но она не отвечает на мой немой вопрос.

– И у меня уже есть такой языковой курс, – продолжает она. – Я прекрасно знаю, что в списке есть путешествие Уоллеса в Москву.

Ее критичный тон выводит меня из себя.

– Существует список? Может быть, распечатаешь мне его копию? Это могло бы пригодиться, ведь я здесь исполняю роль путешественника.

Кэтрин сердито смотрит на меня, встает из-за стола и в гневе выходит из кухни. Коннор бросает на меня укоризненный взгляд и следует за ней.

Выражение лица у папы почти такое же, как у Коннора.

– Знаешь, тебе бы не помешало быть немного снисходительнее к Кэтрин.

– Прости меня, папа. Но... ей, кажется, очень хочется держать каждую мелочь под контролем. Она не дает мне нужной информации, а спустя десять минут ждет, что я буду знать все до мельчайших подробностей. Я не умею читать мысли. И этот дневник – личный. – Я беру со стола черничный кекс и салфетку, наклоняюсь и торопливо целую его в щеку.

– Чем заслужил? – спрашивает он.

– Это извинение за шутку с Альфонсом. И просто так. Ты же собирался идти встречать Сару?

– Да, мне уже пора выдвигаться. Уверена, что не хочешь пойти со мной?

Я качаю головой.

– Ты знаешь, что мне нравится Сара, и ты знаешь, что я люблю художественные музеи. Но мне не нравятся Сара и художественные музеи вместе. – Его девушка преподает историю искусств, и обычно с ней очень весело, но она переходит в режим доцента, когда вокруг появляются картины или статуи.

– Мы могли бы посочинять всякие истории, как в прошлый раз, – предлагает он.

– Саре это показалось не таким забавным, как нам. И вообще, – говорю я, поднимая дневник, – у меня свидание с моим вторым «Я». Ты ведь не удержишься, да? Трей должен быть здесь в...

– Да, я знаю. В семь тридцать, – смеется он. – Не волнуйся. Лазанью осталось только положить в духовку. Салат готов. Я принесу десерт и свежего хлеба. Все будет прекрасно.

Я обнимаю его на прощание и поднимаюсь наверх. Даже если все будет идеально, я наверняка буду так нервничать, что не смогу есть. Часть меня думает, что планировать ужин здесь было плохой идеей, потому что для Трея все это непросто. Но в той, другой, временной линии мы практически все время проводили в этом доме вместе. Так что, может быть, нам не хватало именно этой атмосферы.

Поднявшись наверх, я меняю свою одежду 1960-х годов на более удобную и сворачиваюсь калачиком на диване. Затем беру дневник и некоторое время колеблюсь, все еще не совсем уверенная, что готова. Хотя Кирнан настаивает на том, что эта Кейт действительно я, только с

другим набором воспоминаний, я все же не могу не рассматривать ее как самозванку – фальшивую Кейт, которая использовала мою личность и мое тело и, по-видимому, хорошо повеселилась, прежде чем исчезнуть. Да, это нелогично, но я глубоко обижена на другую-Кейт, и какая-то часть меня не хочет больше ничего о ней знать.

Но если я не посмотрю эти видео, то это сделает Кэтрин. Одна из нас точно должна это сделать. Было бы невероятно глупо не поучиться на ошибках, которые мы совершили в том альтернативном прошлом. Поэтому я открываю дневник, перелистываю к последним страницам, на которых другая-Кейт сохранила свои видео, и нажимаю на первую ссылку.

На голографическом дисплее появляется мое лицо, и поначалу так близко, что я вижу каждую ресничку. Через мгновение другая-Кейт отодвигается чуть дальше. Она, кажется, нервничает, и я не могу не вспомнить то время, когда мы с Шарлейн выложили то глупое видео на ее страничке в Facebook. Но в этом видео нет никакой Шарлейн, только девушка, выглядящая точно так же, как и я, за исключением еле заметного шрама на моей шее и подбородке.

Первая запись, озаглавленная простым «1», очень коротка. Другая-Кейт говорит:

«О'кей, я не уверена, работает ли это. Выключу и проверю, а потом вернусь».

На следующей записи, снова без какого-либо описания, другая-Кейт выглядит гораздо более расслабленной. Она сидит в комнате, кажущейся немного меньше, чем эта, и вид в окне позади нее напоминает округ Колумбия. Другая-Кейт складывает ноги в полулотос и делает глубокий вдох, продолжая:

«Ладно, это моя первая запись в дневнике, и я еще не совсем освоилась с этой штукой, но Кэтрин говорит, что записывать все, что мы делаем, – хорошая идея, и это намного быстрее, чем описывать вручную каждый день. Я бы предпочла делать это на своем компьютере, но, наверное, так лучше, и я быстрее привыкну к оборудованию. Этот месяц был каким-то невероятным во многих смыслах, и я не знаю, может быть, это пойдет мне на пользу. Такие перемены, которые я пережила всего за пару недель, могут нехило пошатнуть сознание. Может, если я буду изливаться здесь, то смогу избежать встречи с мозгоправом. Хотя у меня все еще бывают моменты, когда я думаю, что все это какой-то психический припадок и что мне нужно сходить ко врачу. Мама наверняка согласилась бы, если бы она была здесь».

А где мама в этой временной линии? С ней все в порядке? К сожалению, у меня нет телепатической связи с другой-Кейт, и она продолжает свой монолог:

«С чего же начать? Хорошо, на этой неделе я узнала о стабильных точках. Что они из себя представляют, как их установить, почему они важны. У Кэтрин есть огромная книга с ними, и некоторые из них находятся в моем ключе ХРОНОСа. А еще я могу создавать новые или, по крайней мере, смогу создавать новые через пару недель, когда Кэтрин решит, что я готова».

Сейчас я в основном просто изучаю историю, без перерывов и выходных. Мои уроки либо о будущем и об этом их ХРОНОСе, либо о прошлом – местах и временах, в которые забрасывало историков. Мы занимаемся этим почти месяц, и мне уже начинает надоедать».

Несмотря на то, что мое посвящение в ХРОНОС прошло в более сжатые сроки, я хорошо помню, как мне приходилось часами просматривать «Журнал стабильных точек» в попытках точно выяснить, когда и где была убита Кэтрин. Я поднимаю свою кофейную кружку в сочувственном жесте: «Прекрасно тебя понимаю, сестра. Плавали, знаем».

И вот тогда мне приходит в голову, что именно так я и должна думать об этой другой-себе на экране – как о давно потерянной сестре-близняшке. Это не я. Да, то же строение клеток, но другое сознание. Какие-то воспоминания были общими, но в то же время разными. Она не враг, но и не является мной.

Я просыпаюсь на диване, не в силах вспомнить, как там оказалась. Потом замечаю дневник, лежащий на полу. Мои веки снова опускаются, я все еще немного сонная. Кроме информации о том, что мама получила какую-то годовую стипендию в колледже Италии, я не узнала ничего особенного о той временной линии. Мое второе «Я» скучает, Кэтрин и Коннор ино-

гда действуют ей на нервы, и она нервничает из-за поступления в новую школу осенью. Я все больше убеждаюсь, что она не в Батесде или где-либо в районе Вашингтона. Она упомянула, что собирается в какой-то торговый центр под названием Water Tower Place.

Затем я вспоминаю, что Трей будет здесь чуть позже чем через час, и тут же ощущаю прилив энергии. К сожалению, это беспокойство имеет два корня. Я одновременно с нетерпением жду встречи с ним и ужасно боюсь этого. Я уверена, что скажу какую-нибудь глупость, и Трей решит, что у нас ничего не выйдет. Я не ощущала ничего подобного в прошлом, а он точно не станет переживать, что скажет лишнего. Если отношения начинаются с того, что девушка в первые же минуты знакомства признается в любви, работа парня в значительной степени уже сделана, не так ли?

Я захожу в душ и делаю глубокие вдохи в попытке успокоиться, пока мою волосы. Я ужинала с Треем здесь, в этом доме, по меньшей мере дюжину раз. Не из-за чего волноваться.

Но, несмотря на это, я все еще немного волнуюсь. И впервые с тех пор, как я вручила ему конверт с диском, я задумалась, правильно ли поступила. Ведь я обещала Трею, что найду его, как только вернусь, но мне еще столько всего предстоит. Даже если крупницы наших отношений волшебным образом встанут на свои места и это снова будем *мы*, как долго это продлится? Сколько пройдет времени, прежде чем очередной сдвиг отберет эти воспоминания?

Я решительно загоняю эти мысли обратно в дальний угол своего сознания. Тот факт, что Трей придет сюда сегодня вечером и я увижу его меньше чем через час, должен радовать меня, а не печалить. Я смываю шампунь, и маленький листочек, который, должно быть, запутался в моих волосах, скользит вниз по моей ноге. Он красного цвета, с золотыми крапинками, и я понимаю, что, должно быть, принесла его сюда с Дили-Плаза.

Я смотрю на этот лист, который летал в воздухе в день смерти Кеннеди, за десятилетия до моего рождения, как он кружится в ванне с пузырьками шампуня, устремляясь к сливу. Меня внезапно охватывает желание спасти его, но, прежде чем мои пальцы успевают ухватиться за него, он ускользает в слив.

* * *

– Кэтрин, может, принести тебе что-нибудь другое? Со вчерашнего вечера остался куриный салат.

Мы все уже несколько минут как поели. Кэтрин, в свою очередь, только ковырялась в тарелке, откусывая кусочки вялой лапши и отодвигая в сторону грибы и все остальное, что хоть немного хрустит.

– О нет, – говорит она. – Я не очень голодна, Гарри. Лазанья получилась прекрасной, несмотря на то что ее пришлось разогреть.

Трей опоздал всего на двадцать минут, что вовсе неплохо, учитывая то, что пробки в этой местности непредсказуемы. Он позвонил заранее, чтобы предупредить нас, что опаздывает, и очень сильно извинялся, так что со стороны Кэтрин было очень невежливо снова поднимать этот вопрос, даже косвенно.

Я бы могла списать это на ее непредсказуемые перемены в настроении, но сейчас я почти уверена, что это намеренно. Она считала, что с моей стороны было глупо давать Трею диск, и не слишком обрадовалась, когда я сказала ей, что приглашаю его на ужин. Любая секунда, которую я не провожу, уткнувшись носом в дневник или отыскивая ключи ХРОНОСа, по ее мнению, очевидно, потрачена впустую. И все же она могла бы быть вежливее.

Наверное, я могла бы ограничиться лишь сердитым взглядом, но, увидев лицо Трея – смущенное, немного обиженное, – уже не в силах была держать язык за зубами:

– Лазанья превосходна, Кэтрин. И, ради всего святого, это же лазанья. Она должна быть хрустящей по краям.

А потом я осознаю, что произнесла это пронзительно и злобно и что это вовсе не та картина, которую должен был наблюдать Трей, едва со мной познакомившись. Поэтому я улыбаюсь ей, надеясь выдать мои слова за шутку.

Она не улыбается в ответ, а просто отодвигает свой стул и говорит:

– Трей, было приятно познакомиться... снова. Пожалуй, я пропущу остаток вечера, потому что устала и подозреваю, что Кейт все равно рано или поздно придется снова нас познакомить. И, пожалуйста, постарайся не слишком задерживать Кейт. У нее завтра много работы.

А Трей, как всегда, максимально вежлив.

– Буду рад, миссис Шоу. Я обещал отцу, что буду к десяти, так что мне все равно придется уехать через час.

Это звучит довольно странно. Обычно мы закруглялись только к полуночи... раньше. Если у Трея и был комендантский час, он никогда не упоминал об этом, и в десять часов? Да уж. У меня такой комендантский час был в средней школе.

Я помогаю папе с подачей чизкейка. Коннор берет себе кусочек и уходит, вероятно, чтобы проверить, как там Кэтрин. Папа, Трей и я болтаем о Брайар Хилл, о том, нравится ли Трею его школа в Перу, и о рыболовной поездке в Коста-Рику, которую папа совершил несколько лет назад.

Я наблюдаю, как Трей рассказывает папе о рыбалке в Перу. Его волосы теперь немного длиннее и светлее, а кожа потемнела на несколько оттенков. Его нос чуть порозовел в некоторых местах, будто пару дней назад пострадал немного от солнечного ожога. Наверное, летом он обычно выглядит так. В прошлый раз мы не успели встретить лето. Мне хочется просто сидеть и смотреть на него, но я заставляю себя отвести взгляд, чтобы не выдать своей помешанности.

Я убираю посуду в раковину, а папа, оправдав себя неотложными делами, оставляет меня наедине с Треем. Ну, за исключением Дафны, но я даже рада, что она все еще здесь, потому мне внезапно становится очень неловко, и благодаря Дафне я могу занять свои руки, пока глажу ее по шерстке.

– Я сожалею о том, что сказала Кэтрин, – говорю я, – ранее.

Ну конечно, *ранее*, а когда еще? Сейчас ее нет в комнате. Он, должно быть, думает, что я идиотка.

– С моей стороны было невежливо так опаздывать, и она просто выразила неодобрение. Это не твоя вина.

– И не твоя.

Трей пожимает плечами.

– Нет, это *была* моя вина. Мне следовало выйти из дома пораньше. Просто папа хотел, чтобы я сегодня кое-что сделал, и это заняло гораздо больше времени, чем я ожидал. – Затем он тоже тянется погладить Дафну, и я снова осознаю, что для него все это так же необычно, как и для меня.

Нас сковывает та же неловкость, что и на предыдущем свидании. Мы смотрели фильм, что было вполне обыкновенно, но это был типичный фильм для свиданий, который никому из нас не нравился. Оглядываясь назад, я бы приняла его предложение выбрать фильм самой, ведь я лучше знаю, что понравилось бы нам. Мы держались за руки в кино, что было приятно, и он поцеловал меня на прощание, почти так же, как в ту первую ночь в другой временной линии, на крыльце – коротко, робко, немного застенчиво.

– Не хочешь выйти на улицу? – говорю я. – Уже довольно темно, но из патио должно падать достаточно света, чтобы поиграть во фрисби.

В его взгляде читается удивление.

– Хочешь поиграть во фрисби?

Я смеюсь.

– Ну, не совсем, но Дафна будет более чем рада. Раньше ты часто... то есть я имею в виду...

Я вздыхаю, теперь намного лучше понимая, почему Кирнану так трудно подбирать правильные местоимения, когда он говорит со мной.

– Конечно, – говорит Трей. – Звучит весело.

И это правда весело. Трудно не веселиться, когда Дафна так полна энтузиазма. Трей немного перегибает с броском, потому что еще не привык к ее диапазону, поэтому она все время возвращает фрисби мне, бросая на него косые разочарованные взгляды. И мне остается только гадать: помнит ли она его? Она тоже была в поле ХРОНОСа. Пытается ли она примирить два набора воспоминаний – один, в котором она только что встретила Трея, и другой, в котором он точно знает, как правильно почесать ей за ушком и как далеко бросать фрисби?

Трей снова бросает фрисби слишком далеко, и на этот раз он приземляется рядом с гаражом, проскальзывая под основание той ржавой качающейся скамейки, которую оставили здесь предыдущие владельцы. Фрисби застрял довольно плотно, и Дафну немного пугает то, что качели двигаются каждый раз, когда она пытается выхватить тарелку.

Я подбегаю, чтобы помочь ей, и Трей следует за мной. Он придерживает качели, пока я высвобождаю диск, а затем, после того как я бросаю его Дафне, тянет меня сесть на скамейку.

Этот поцелуй кажется намного более правильным. А Дафна на этот раз даже не притворяется надзирательницей, так что, вероятно, она помнит Трея.

– Ты был серьезен, когда говорил, что должен быть дома к десяти? – спрашиваю я, когда поцелуй прерывается. – Потому что мы могли бы посмотреть фильм или...

– Да, – отвечает он. – Мне правда нужно идти. Папа вообще хотел, чтобы я отменил все, потому что... ну, завтра рано утром мы вылетаем навещать мою маму. Она на задании на Гаити и хочет быть со мной на моем дне рождения, так что...

– Оу. Я не знала.

– И я не знал. Папа только вчера сказал мне. Решил устроить сюрприз, – голос Трея звучит теперь немного язвительно, и мне хочется спросить почему, но он продолжает: – Как бы то ни было, все было спланировано в самый последний момент, так что единственный самолет, на который мы можем успеть, вылетает в пять тридцать утра. Мне нужно встать около трех.

– Ох. Как долго тебя не будет? – я стараюсь говорить непринужденно, потому что не хочу показаться навязчивой девушкой, тем более что на самом деле я даже не являюсь его девушкой.

– Должен вернуться в пятницу, до начала занятий.

– А что ты будешь делать на Гаити?

– Ну, на самом деле мы не будем прямо на Гаити. Мама хочет отдохнуть. Сейчас у нее каникулы, так что мы встретимся с ней в Пунта-Кане, в Доминиканской Республике. Там довольно мило, но, честно говоря, я немного выбит из колеи. Я бы лучше остался в Вашингтоне. К сожалению, выбора нет.

– Я прекрасно тебя понимаю, члены моей семьи тоже навязывают мне путешествия. Мне предстоит еще несколько поездок, которые я предпочла бы пропустить, поверь мне.

– Так... ты правда была сегодня в Далласе 1963 года? Не привезла с собой никаких сувениров?

Возможно, мне это только кажется, но в его голосе слышится легкое сомнение, и я подозреваю, что когда он говорил «сувениры», имел в виду «доказательства». Я не удивлена, но делаю мысленную заметку продемонстрировать все ему когда-нибудь в ближайшем будущем.

– Никаких сувениров, – говорю я, хотя в голове у меня мелькает мысль о том листе, уплывшем сегодня в водосток. – Это вовсе не было похоже на экскурсию. Я познакомилась со своими бабушкой и дедушкой, хотя очень трудно думать о них как о бабушке и дедушке, когда они, кажется, были на шесть или семь лет старше меня. Я забрала их медальоны. И я стояла

на печально известном травянистом холме. Возможно, я даже видела так называемого второго стрелка, но нам пришлось покинуть этот район, прежде чем появились какие-либо улики.

– Невероятно. Просто вау. – Он качает головой. – Куда отправишься дальше?

Я пожимаю плечами.

– Мы еще не решили. Наверное в Австралию времен Второй мировой войны. И совсем скоро мне, вероятно, придется отправиться в Советскую Россию. И в Джорджию, в 1938 год, но это перемещение будет непростым, поэтому я оставляю его напоследок.

– Значит, ты можешь отправиться в любое место, в любое время, когда тебе угодно?

– Если есть стабильная точка, то да, я могу. Стабильные точки установлены с ранних цивилизаций и до того времени, когда был создан ХРОНОС в конце 2100-х годов. Но я не уверена, что хочу знать так много о будущем. Когда все это закончится, я бы хотела снова жить нормальной жизнью. И каждый раз, когда я возвращаюсь назад во времени, есть риск повлиять на настоящее.

Он смеется:

– Видит бог, я не хотел убивать рыбку.

Я бросаю на него непонимающий взгляд.

– Гомер с тостером? Динозавры? Нед Фландерс – абсолютный господин и владыка мира?

Ты, должно быть, шутишь! Неужели никогда не смотрела этого эпизода?

– Впервые слышу все это, значит, пропустила.

– Ох, вау, нам нужно исправить это прямо сейчас. Ты ведь смотришь «Симпсонов», да?

– Да. В основном старые эпизоды, которые крутят в обеденное время.

Честно говоря, в последнее время я вообще ничего не смотрела, потому что у Кэтрин нет телевизора, а наш старый телевизор стоит у папы в комнате. Но обычно я успевала на повторы почти каждый вечер, когда ужинала у папы, а иногда и у мамы, если мы не смотрели «Колесо Фортуны» вместо этого.

Трей театрально вздыхает:

– Слава богу. Я уже начал волноваться, что мое второе «я» влюбилось в человека, который не понимает моих шуток.

– Так нечестно. Я пропустила всего-то один эпизод, и ты уже сомневаешься во мне.

– Эй, это не просто какой-то эпизод. Это «Дом ужасов». Надо исправлять. – Он достает телефон и что-то набирает. – Секундочку, пытаюсь найти нужный. – И снова пауза, а затем он приглушенно бранится. – В Интернете есть только отрывки...

Спустя пару секунд он говорит:

– Все, нашел. Здесь не целый эпизод, но этого вполне достаточно, чтобы залатать эту зияющую дыру в твоём культурном образовании.

Я упираюсь локтем ему в ребра, и он смеется, обнимая меня. Мы смотрим видео, смеясь над одними и теми же моментами, и я понимаю, что именно по такому времени, когда мы можем просто быть вместе, делать что-то или вовсе ничего, я скучала больше всего. Предыдущие разговоры по телефону, наше свидание в кино и даже сегодняшний ужин – все это казалось постановкой, будто мы играли роли. Я впервые ощущаю, что этот Трей – мой Трей. Я впервые чувствую себя *легко*.

Мы почти досмотрели видео, как вдруг зазвонил его телефон.

– Это папа, – произносит Трей, хотя мы оба смотрим на экран, на котором огромными буквами зажглось слово «*papa*». Он встает с качелей и делает несколько шагов к дому.

– Да, папа. Что случилось?.. Да. Эстелла сказала мне. Я заеду в аптеку на обратном пути... Да, папа. Пять минут... Да, – его голос звучит немного резко. – Я все подготовил... Я же сказал, что сделаю это, нет?

Он слушает с минуту, потом говорит: «Хорошо» – и вешает трубку, качая головой.

Здесь что-то не так. Отец Трея был очень спокоен, когда я встретила его, и у меня не возникало чувства, будто он какой-нибудь деспот. Я вспоминаю все те ночи (многие из которых приходились на дни школьных занятий Трея), когда мы сидели за компьютером часами, задерживаясь допоздна, хотя в это время Трей уже должен был быть в постели.

– Все в порядке? – спрашиваю я.

– Да, – бросает он, но это мало похоже на правду. – Просто в последнее время папа достает меня по поводу и без. Но сейчас он прав – мне, наверное, уже пора.

«Он доверяет мне». Помню, как Трей не раз говорил это о своем отце, и я не могу не задаться вопросом, что же произошло.

Мы подходим к фасаду дома, где припаркована его машина.

– А в твоём медальоне, случайно, нет стабильной точки для Пунта-Каны?

Я смеюсь.

– Сильно в этом сомневаюсь, если только поблизости не произошло какого-нибудь исторического сражения или еще чего.

– Очень жаль, – говорит он. – Я постараюсь позвонить тебе через пару дней. Может быть, сходим куда-нибудь, когда я вернусь?

Я киваю.

– Я не против.

Он быстро проводит рукой по макушке Дафны, так же быстро чмокает меня в щеку и уходит по тротуару.

Когда он садится в машину, у меня возникает странное ощущение, будто за нами наблюдают. Я оглядываюсь и понимаю – это, вероятно, оттого, что я стою почти там же, где стояла в тот день, когда Саймон пытался выхватить мой медальон. Я нахожусь за пределами защитной зоны, в нескольких сантиметрах от того места, где Трей ударил Саймона монтировкой по голове. В нескольких сантиметрах от того места, где исчезла Кэтрин.

Я быстро отступаю на четыре или пять шагов к крыльцу и машу Трею на прощание, когда он включает фары и отъезжает от тротуара. А потом примерно в полуквартале от него вспыхивают еще одни фары, и темно-синий фургон уезжает вслед за ним.

Это просто соседи выехали за галлоном молока или еще чего. Наверное.

Вот только я не помню, чтобы видела этот фургон раньше. И ощущение, что за мной наблюдают, исчезает вместе с фургоном.

4

Я провожу весь следующий день с моим Дорогим Дневником, и единственным важным достижением стало то, что мне удалось точно определить местоположение другой-Кейт – Чикаго. Это немного странно, потому что я никогда не была в современном Чикаго, только в версии 1893 года. Трудно представить, что горизонт, который я вижу за ее окном, – тот же самый, который я видела несколько месяцев назад.

Со временем дневник становится интереснее, наверное, потому, что другая-Кейт стала пропускать дни, а иногда и недели между записями. Так что теперь вместо бесконечных записей о ее тренировках и прочих ежедневных мелочах она садилась за отчет, только когда ей было что рассказать.

Я только собиралась нажать на следующую запись, как зазвонил мой телефон. В моей недавно урезанной социальной жизни есть только четыре человека, от которых я могу ждать звонка: мама, папа, Трей или «Извините, ошиблись номером». Я очень надеюсь на третий вариант.

Это вариант номер один.

– Привет, мам. Что случилось?

– А что-то должно было случиться? Неужели я не могу просто поговорить со своей любимой дочерью?

– Можешь, но что случилось?

Она смеется.

– Ладно, признаюсь. Так и есть. Не хочешь сходить на ужин в «О’Мэлли»?

Я уже собираюсь отказаться, потому что это был долгий день и я устала, но сейчас только пять часов вечера. Поскольку мама ничего не знает о моей второй жизни путешественника во времени, ей будет больно, если я откажусь. А в «О’Мэлли» есть луковые кольца. Огромные, жирные, сочные, очень, очень вредные луковые кольца с идеальным количеством специй.

Наверное, я слишком задумалась, потому что она продолжает отстраненно:

– Но если у тебя уже есть планы...

– Вообще-то, мам, звучит здорово. Встретимся там или в доме?

– Нет-нет. Я за тобой заеду.

– На чем, на твоём велосипеде? Со мной на заднем сиденье придется долго ехать до «О’Мэлли».

– Я сейчас возле проката авто напротив кампуса, и здесь стоит тот милый маленький синий «Мини-Купер» с откидным верхом. Помнишь его?

– Да...

– Что ж, он снова меня испытывает. Думаю, мне придется арендовать его на пару часов.

– О-о-кей, – тяну я с подозрительной ноткой в голосе. Это не похоже на маму. Мало того что она арендует машину (а с тех пор, как мы переехали в Вашингтон, она делала такое раз пять от силы), так она еще и едет сюда, к дому Кэтрин. Для нее это все равно что добровольно войти в логово зверя. Теперь я уверена, что что-то не так.

– Дай угадаю. Ты встретила мужчину своей мечты, и теперь сбегашь, чтобы жить на уединенном острове на берегу Тихого океана, доверившись матери-природе.

Она снова смеется.

– Да. А еще я выиграла в лотерею. Ты свободна в полшестого?

* * *

Я доела свой кобб-салат, и в бaskете, стоящем рядом с моей тарелкой, осталось два луковых кольца. Я поднимаю вилку и вонзаю ее в красно-белую клетчатую бумажную салфетку в нескольких сантиметрах от мизинца моей матери.

Она же прекрасно знает.

– Дебора Пирс, – говорю я самым строгим голосом, на какой способна, – вы в шаге от нарушения третьего параграфа, части второй Соглашения о луковых кольцах. Держите руки при себе, леди.

У нас с мамой есть договоренность насчет «О’Мэлли» – мы не делимся луковыми кольцами. Та, что не может держать в узде желудок и съедает все свои луковые кольца еще до основного блюда, должна смириться и терпеть.

К несчастью, глядя на эти последние два кольца в своей тарелке, я вспоминаю, как Трей угостил меня кольцами из «О’Мэлли» после моего первого тестового перемещения к мемориалу Линкольна и в наш последний день перед перемещением на выставку. Это, безусловно, напоминает мне и обо всем остальном, что происходит в моей жизни, о чем я не могу говорить с мамой.

Мама, будучи мамой, естественно, замечает изменения в выражении моего лица.

– Эй, я правда не собиралась красть твое луковое кольцо. Хотя я почти уверена, что тебе они положили больше, чем мне. Не напрасно ты, видимо, кокетничала с тем официантом.

Я поднимаю бровь.

– Я не кокетничала с официантом!

Она усмехается.

– Нет, и ты его даже не заметила. А он довольно симпатичный. Неужели все так серьезно с тем мальчиком, с которым ты встречаешься, что теперь ты даже не взглянешь на такого горячего парня?

Я не хочу сейчас говорить о Трее. Я рассказала ей правдоподобную полуправду о наших отношениях, сказав, что встретила его в Брайар Хилл, на вечере для новеньких учеников, и что мы встречались несколько раз. Все это более или менее являлось правдой, и поскольку мне пришлось опустить детали об альтернативных временных линиях, я не рассказала о том, что встреча наша произошла на его пороге и что мне пришлось убеждать его, чтобы организовать эту встречу.

Поэтому я протыкаю вилкой одно из моих оставшихся луковых колец и отправляю его на мамину тарелку. Я сделала это отчасти ради отвлечения внимания и отчасти потому, что они правда уже не выглядят так соблазнительно, после того как мои мысли обратились к Трею.

– Кто ты и что ты сделала с моей дочерью? – мама бросает на меня фальшиво-злой взгляд, и на мгновение я замечаю в ней сходство с Солом. По какой-то причине я думала о нем только как об отце Пруденс или как о своем дедушке, но никогда не задумывалась над тем, что он и ее биологический отец. Я не должна удивляться, что в них есть некоторое сходство, но должна признать, что меня это немного пугает.

Я одариваю ее скованной улыбкой.

– На самом деле в Соглашении говорится, что любая из сторон может добровольно предоставить контроль над луковым кольцом другой стороне.

– Верно, но такого никогда раньше не случалось.

– Может быть, я просто повзрослела и решила, что мне приятно делиться?

– Хм. Только если ты не ждешь от меня взаимности.

– Договор остается в полной силе. И, по правде говоря, у меня был скрытый мотив. Я хочу поскорее доесть, чтобы ты, наконец, рассказала мне свою важную новость.

Она увिलивала от этого разговора с тех пор, как подобрала меня. И я ошибалась, когда говорила, что она отважилась войти в логово зверя. Она позвонила в 17:40, спустя десять минут после того, как должна была подъехать к дому Кэтрин, и сказала, что опаздывает и мне нужно пойти к ней навстречу, иначе мы потеряем наш столик. В вечер четверга... в месте, где бронирование не рекомендуется, не говоря уже о его необходимости. Да, конечно, мам. Ты сохранила свой титул Королевы Избегания.

Я доедаю последнее луковое колечко и вытираю пальцы салфеткой, лежащей у меня на коленях.

– Ладно, теперь мы съели все до последнего кусочка. Так что выкладывай.

– Не хочешь десерта?

– Нет! Хватит тянуть время.

– Отлично, – говорит она, нервно махнув рукой, что не совсем характерно для нее. – Я просто очень взволнована этим и немного... колеблюсь. Не знаю, как ты отреагируешь на это.

– Эмм, ладно. – Я бросаю на нее вопрошающий взгляд. – Я не могу не задать тебе вопрос, который ты повторяла мне много-много раз: «Кто из нас мать, а кто дочь?» В прошлый раз мы сошлись во мнении, что мать все-таки ты, поэтому, если с тех пор ничего не изменилось, зачем же тебе мое разрешение?

– Мне не *нужно* твое разрешение, но я не хочу, чтобы ты чувствовала себя брошенной. Мне предложили кое-что невероятное, научную стажировку с преподавательской деятельностью. Но это в Италии. На год.

Должно быть, выражение моего лица немного изменилось, потому что она тут же продолжает:

– Я уверена, что будут другие возможности...

– Нет, нет, – я не могу признаться ей, что это выражение было вызвано дежавю, потому что я только недавно слышала нечто очень похожее в дневнике другой-Кейт. – Правда, мам. Расскажи больше об этом.

Она скептически смотрит на меня.

– Это всего лишь исследовательский грант. Я могу отложить все это на пару лет, пока ты не поступишь в колледж, – говорит она, хотя по ее голосу я могу сказать, что она не сильно верит в это.

– Хм... Я попросила рассказать мне больше, а не объяснять, почему ты не должна ехать. Где именно в Италии? Чем ты будешь заниматься? Когда тебе нужно будет уехать?

– Это недалеко от Генуи, но мне придется побывать в пяти или шести разных городах Европы, а также в Африке. Частный источник финансирует сбор историй женщин, переживших геноцид в Руанде и Боснии. Планируется сравнительное изучение, и я проведу свое исследование о женщинах, переживших холокост, и, возможно, даже смогу взять интервью у тех немногих в Европе, кто еще жив. Должно быть, кто-то отказался в последнюю минуту, я никогда не слышала, чтобы что-то двигалось так быстро в академических кругах. Грант покрывает мою зарплату плюс дорожные расходы, и даже компенсирует моей кафедре планирование замещения моих занятий. Они хотят, чтобы я была там за несколько недель до начала их осеннего семестра, что дает мне целых шесть дней на сборы. Включая сегодня, так что на деле уже пять.

С широко раскрытыми и взволнованными глазами она произносит всю эту длинную речь, вполне способную поразить неосведомленного в ее чудаковатости, учитывая, что она говорит о целом годе, наполненном довольно ужасными и эмоциональными историями. Не то чтобы она наслаждалась страданиями других. Просто это одна из тех тем, которыми она горячо увлечена. Ей нужно убедиться, что истории всех этих женщин услышат и запомнят.

– Думаю, ты должна согласиться, мама. Я имею в виду, что буду скучать по тебе, но я ведь могу приехать на каникулы, верно? Или ты можешь прилететь сюда?

Проходит несколько секунд, прежде чем она говорит:

– Ты уверена, Кейт? Год – это очень долго, особенно в твоем возрасте.

– Верно. Будет жаль, если ты пропустишь мои первые шаги.

Она закатывает глаза.

– Ты знаешь, что я имею в виду.

– Знаю. Я попрошу папу документировать каждое мое домашнее задание и отчитываться перед тобой, если я вырасту на сантиметр или если мой размер обуви изменится. Ты должна *согласиться*, мама.

Я стараюсь придать своему лицу как можно более искреннее выражение, чтобы опровергнуть все ее прежние предположения и скрыть тот факт, что часть меня правда не хочет, чтобы она уезжала. Дело не только в том, что я буду скучать по ней. В ее лице я могла получить хотя бы временное убежище от ХРОНОСа и Кэтрин. Провести пару дней в неделю в мамином доме, быть обычным подростком, ходить в школу, спать в крошечной захлавленной комнате и, свернувшись калачиком на нашем потрепанном, старом диване, смотреть с ней фильмы – все это дало бы мне передышку от безумия, что происходило со мной сейчас.

И я почти уверена, что за этим грантом стоит Кэтрин, хотя понятия не имею, почему я так решила. За немногими исключениями, эта временная линия очень похожа на ту, в которой существовала другая-Кейт, так что, вероятно, эта возможность выпала маме благодаря ее профессиональной репутации. Просто есть что-то подозрительное в словосочетании «частный источник» и в том, что университет находится в Италии, где Кэтрин прожила несколько лет. И время... все это очень неожиданно.

Суть в том, что я знаю, маме это нужно. Папа занят своим преподаванием и мной, а также Сарой. У него есть бабушка и дедушка Келлеры, которые растили его с пяти лет. Он любит преподавать, но если завтра ему придется сменить работу, я сомневаюсь, что это изменит его. Учитывая разногласия между мамой и Кэтрин, у мамы есть только своя работа и я, а я нахожусь половину каждой недели у папы. Иногда она смотрит на меня каким-то странным, грустным взглядом, и я почти уверена, что она представляет себе, как все будет через несколько лет, когда я стану самостоятельной и все, что останется у нее, – это ее работа.

Я уже много лет не видела, чтобы у нее так горели глаза – наверное, с тех пор, как они с папой расстались, – так что я ни за что не выдам своих сомнений. Если мама решит, что Кэтрин замешана в этом деле, ее интерес мгновенно улетучится. И было бы так эгоистично с моей стороны задержать ее здесь только потому, что я хочу избежать круглосуточного дежурства по спасению Вселенной.

– Ты *должна* это сделать, – повторяю я.

– Еще ничего не решено. Мне нужно убедиться, что Гарри не против... и твоя бабушка, наверное. Но сначала я хотела обсудить это с тобой, потому что если бы ты не захотела, чтобы я уезжала, мне нечего было бы говорить им.

– Все будет хорошо, мама. В этом году у меня много забот. Папа, Кэтрин и Коннор будут рядом, если они мне понадобятся, а мы с тобой сможем общаться в видеочате, переписываться по электронной почте. Ты же не на Марс собираешься. И эта возможность будто была создана специально для тебя, – все это, особенно последние слова, я говорю абсолютно честно, поэтому мне не приходится стараться и делать вид, что я говорю правду.

Она долго и пристально вглядывается в меня, прежде чем ответить:

– Ты ведь говоришь это не только потому, что знаешь – я правда хочу согласиться? Как я уже сказала, мне наверняка дадут отсрочку.

– Мама, езжай! Поживи настоящей жизнью. Прими свою судьбу исследователя.

Эти слова вызывают у нее смех, и я замечаю, что она вздохнула с облегчением, но все еще не пришла в себя. Уверена, она будет задавать мне те же самые вопросы до, а возможно, и после того, как прибудет в Италию, так что мне нужно стараться сохранять спокойствие.

* * *

Когда мы возвращаемся к дому Кэтрин, уже почти десять. Просто мама решила, что мы должны отпраздновать предстоящее событие небольшим шопингом. Итак, в сумке, которую я держу в руках, покидая маленькую арендованную машину, лежат новые легинсы и великолепный красный сарафан. Мама даже купила для себя несколько платьев, хотя обычно она предпочитает джинсы и футболку, как и я.

– Ты уверена, что не хочешь зайти? Они еще не спят. Коннор хороший мужчина, правда. Ты могла бы рассказать им о своей исследовательской поездке и встретиться с Дафной...

– Может быть, в следующий раз. Уже поздно.

– Знаешь, Кэтрин не кусается. Ну, по крайней мере, нечасто. Ты просто боишься, что тебе может понравиться твоя мать, если ты дашь ей шанс. Поэтому... мне придется назвать тебя трусихой.

– М-хм... Ходишь по тонкому льду, Кейт. И мне правда нужно вернуть машину, пока я не задолжала за лишний час.

Я качаю головой.

– Только не забудь убрать все перья из салона, а то они возьмут с тебя дополнительную плату.

Она фыркает.

– Ты так похожа на своего отца. Иди в дом, пока я тебя не переехала.

– Угроза сбить кого-то «Мини-Купером» на самом деле не является реальной угрозой, мама. В следующий раз тебе лучше взять напрокат «Хаммер». Люблю тебя!

Я все равно была не очень уверена насчет ее визита этим вечером. Когда я была в раздевалке, звонил Трей. Я не подняла трубку, но сразу же написала ему, что позвоню, как только вернусь домой. Прошло уже больше часа, и с тех у меня внутри все сжимается от волнения.

Я сбрасываю туфли и ставлю их в шкаф в прихожей. Гостиная пуста, а это значит, что папа либо спит, либо ушел с Сарой, а Кэтрин и Коннор, вероятно, находятся в своих комнатах. Надеюсь, мне удастся незаметно проскользнуть вверх. Кэтрин была довольно раздражена тем, что я ушла, несмотря на все наши дела, и я подозреваю, что я все еще в ее списке за те слова, что я сказала ей при Трее этим утром.

Не повезло. Пройдя уже полпути к своей комнате, я заметила, как Кэтрин высунулась из библиотеки на втором этаже.

– Кейт, я так рада, что ты дома, дорогая. Ты хорошо провела время с Деборой?

– Да. Она просила передать тебе привет, – это не было правдой, но я сделаю вид, что мама просто забыла это сказать. – Я просто... я ложусь спать.

– Ладно. Мне всего лишь интересно, узнала ли ты что-нибудь из этого дневника?

Я отрицательно качаю головой.

– Не совсем. Я только подошла к самому интересному, когда позвонила мама. Но я точно знаю, что была в Чикаго с тобой и Коннором – не уверена насчет папы. А мама уехала в какую-то исследовательскую поездку.

Я наблюдаю за выражением лица Кэтрин, чтобы отметить, изменится ли оно, когда я упомяну, что мама собирается в путешествие, но она только улыбается.

– Чикаго. Я не удивлена. Это замечательный город, если знать, каких дат следует избегать. Ну, тогда поспи немного, чтобы вернуться к просмотру как можно раньше, хорошо?

Пожелав Кэтрин спокойной ночи, я вешаю новое платье и прячу легинсы в ящик стола. Затем переодеваюсь в ночную рубашку и сворачиваюсь калачиком на диване, собираясь позвонить Трею.

Нет ответа. Я начинаю печатать ему, но замечаю, что он уже прислал мне голосовое сообщение, и решаю, что сначала нужно прослушать его.

«Привет, Кейт. Просто решил сообщить, что мы прибыли... и я... эм... ты собираешься на тот пикник в субботу, перед началом занятий? Думаю, что нет, потому что он, кажется, для новеньких студентов Браяр Хилл и Кэррингтон Дэй. В любом случае в приглашении нужно указать количество гостей, и это, вероятно, означает, что они ожидают родителей, но мои не смогут прийти, а мне вроде как обязательно нужно быть. А еще это прощальная вечеринка для одного человека, который учил и моего папу, и дедушку, и я пообещал им, что зайду поздороваться или попрощаться, наверное. Я уверен, что там будет ужасно скучно, но было бы намного веселее, если бы ты была там. Поэтому... эм... просто дай мне знать, ладно?»

Я подозреваю, что он прав насчет ужасной скучности этого пикника, но он мог бы пригласить меня помочь чистить его холодильник (рутинная работа, которую я ненавижу всей душой) и я бы все равно согласилась, не раздумывая и секунды.

Поэтому я снова звоню. И когда он снова не отвечает, я решаю оставить сообщение со словами: «Да, с удовольствием».

Когда я встаю, чтобы подключить телефон к зарядному устройству, мне бросается в глаза отблеск света за окном. Сначала мне кажется, что это ключ ХРОНОСа, потому что свет имеет голубоватый оттенок, но это не тот оттенок. Это просто уличные фонари, свет которых изменился, отражаясь от крыши того синего фургона, который припаркован на том же самом месте, что и вчера.

Из моего окна открывается вид только на верхушки деревьев – широкое зеленое пространство. Это то, что мне больше всего нравится в этой комнате. Мне нравится видеть деревья, когда я просыпаюсь, а луна и звезды по ночам напоминают мне окно в крыше моей комнаты в таунхаусе, поэтому я всегда оставляю шторы открытыми.

Но теперь, когда я смотрю на фургон, у меня возникает то же самое жуткое чувство, будто за мной наблюдают... что на самом деле глупо. Фургон припаркован на том же самом месте и, скорее всего, принадлежит соседям. Это не значит, что за нами следят.

Но я все равно задерживаю шторы.

5

Дым обжигает мне нос и горло, когда я в панике бегу по коридору, пальцами одной руки прошупывая стену, пытаюсь не заблудиться в непроглядном лабиринте. Я оглядываюсь назад, и человек с фонарем все приближается, и он движется гораздо быстрее меня. Я чувствую, будто бегу сквозь что-то вязкое.

В другой руке у меня активирован ключ ХРОНОСа, но десятки стабильных точек проносятся передо мною так быстро, что я не могу ни за что зацепиться. Когда Холмс подходит ближе, я замечаю пистолет в его руке, а затем этот взрыв пламени, алого и золотого, несущегося прямо на меня. Как только огни достигают меня, все превращаются в каскад осенних листьев, медленно опускающихся вокруг меня.

Я резко выпрямляюсь и с минуту оглядываюсь вокруг, сбита с толку, затем снова падаю на подушку, протирая глаза. За последние несколько недель сны стали приходить чуть реже, и хотя мое сердце все еще колотится, по крайней мере, это уже не та слепая паника, которую я чувствовала в первые несколько раз, когда сон возвращал меня обратно в отель «Всемирная ярмарка». И вся эта история с превращением пламени в листья – странное, новое дополнение.

Тем не менее это первый раз, когда мне снятся два кошмара за одну ночь. Первый разбудил меня около двух пятнадцати. Я была так взвинченна после этого, что поднялась наверх и била боксерскую грушу, пока не устала и не убедилась, что оставшуюся ночь проведу без сновидений. Но, видимо, я ошиблась.

Снаружи идет легкий дождь, и я наблюдаю, как капли стекают по стеклу, пытаюсь сосредоточиться и успокоить дыхание, пока пульс не приходит в норму. У меня есть в запасе почти полчаса до того, как сработает будильник, и я испытываю искушение снова натянуть одеяло на голову, но знаю, что не смогу заснуть. Отчасти это из-за моего кошмара, но еще и потому, что я чувствую запах бекона. И, если я не ошибаюсь, блинчиков с черникой.

Спустившись, я замечаю, что папа уже на кухне. На нем наушники, и он поначалу меня не слышит. Если бы мы были в нашем коттедже в Брайр Хилл, он бы готовил под громкую музыку, доносящуюся из всех колонок – меня много-много раз будила «I wanna be sedated» «Рамоунз», но сейчас он, должно быть, беспокоится, что его музыкальные вкусы не понравятся Кэтрин и Коннору. Я не знаю, что они слушают и слушают ли вообще. Мне приходит в голову, что Кэтрин могла бы быть поклонницей «Питера, Пола и Мэри» или чего-то в этом роде, но она, вероятно, предпочитает музыку, похожую на то, что слушала в 2300-х годах, и я не имею ни малейшего понятия, что бы это было. Панк-музыка 1980-х годов наверняка кажется ей чем-то из эпохи барокко.

Я пытаюсь обойти папу, чтобы дотянуться до кусочка бекона, лежащего в тарелке на дальней стороне плиты, но тут же получаю лопаточкой по руке.

– Ты что-то медлишь, старина, – говорю я, запихивая бекон в рот. – По какому случаю пир? Блины у нас обычно на праздники.

Он стягивает наушники на шею.

– Без случая. Черника чуть было не испортилась, поэтому я решил, что мы должны покончить с ней. А поскольку до начала занятий в школе осталось всего несколько дней, по крайней мере для нас, бедных, забытых учителей, я отношусь к каждому из них как к празднику.

Мы едим в тишине пару минут, а потом он говорит:

– Как они выглядели? Я имею в виду, я смотрел видео, спасибо за это, кстати, но *как* они выглядели?

Мне требуется несколько секунд, чтобы понять, что он говорит об Эвелин и Тимоти. Я доедаю свой кусок и затем отвечаю:

– Твой отец так похож на тебя. У него даже выражение лица такое же, когда сердится. Правда, он чуть полнее тебя, – в этом отношении он немного напоминает мне его отца из прошлой временной линии, который тоже был немного полноват, и я отгоняю от себя мысль, что мой отец может быть одним из тех людей, которые полнеют от счастливой жизни.

– Твой отец любит вредную еду, – продолжаю я, – хотя он говорил, что обычно придерживается вегетарианства. Из них двоих твоя мама – самая серьезная.

Следующие десять минут я провожу, отвечая на его вопросы.

– Прости, папа, – говорю я, исчерпав все подробности, которые могу вспомнить. – Мне нужно было рассказать тебе все это на следующий день после возвращения. Я знаю, что тебе интересно знать о них.

Он улыбается.

– Ничего страшного. Если бы ты сделала это тогда, я бы опоздал и заставил Сару ждать. И сегодня мы с тобой впервые смогли остаться вдвоем после всех этих событий. Это единственное, чего мне не хватает с тех пор, как мы переехали из коттеджа.

– Мне тоже. Но теперь у тебя есть эта огромная кухня. И я не знаю, как насчет твоей кровати, но моя сильно отличается от раскладушки. – Я кладу последний кусочек блинчика на тарелку, чтобы собрать оставшийся сироп. Этого кусочка слишком мало, так как я обычно выливаю достаточно много сиропа на свои блины, и я поддаюсь желанию провести пальцем по тарелке, чтобы собрать остальное.

Папа смотрит на меня с минуту, и я думаю, что он собирается напомнить мне, что то, что я делаю, довольно невежливо, но он просто говорит:

– Даже с такой кроватью ты не выглядишь так, как будто хорошо спала...

– Я спала хорошо, мне кажется.

Он приподнимает бровь.

– Ты опять расхаживала ночью, не так ли? Моя комната находится прямо под чердаком. Я собирался подойти и проверить, как ты там, но стук прекратился.

– Вот дерьмо. Я не подумала об этом. Прости, что разбудила тебя.

Одна половина чердака была переоборудована в мини-додзе и тренажерный зал. Большая часть пола скрылась под толстыми циновками. Весовой тренажер и гребец занимают небольшой угол, но все остальное пространство уставлено мешком для ног, мешком-бананом муай-тай, несколькими гириями и другим разнообразным оборудованием, которое посоветовала сэнсэй Барби.

– Ты ненадолго меня разбудила, – говорит он. Никак не могла заснуть?

– Никак не могла *вернуться* ко сну. Дурацкие кошмары.

– Они не прекращаются?

– Не совсем, но обычно я вижу не два за одну ночь. В последнем из них я убегала от Холмса. Только на этот раз огонь из пушки превратился в листья, как те, что я видела в Далласе на днях. Это было довольно странно.

– Эй, листья ведь безопаснее огня, верно? Может быть, ты начинаешь контролировать сны, а не они тебя? Другие сны тоже изменились?

– Нет. Почти то же самое, – в этих снах тоже появляется пламя, но вместо того, чтобы пытаться спасти себя, я спасаю других людей – иногда тех, кого я знаю и люблю, иногда тех, кого я никогда раньше не встречала. В некоторых снах я слышу, как кто-то плачет, и роюсь в обломках, но как только я подхожу ближе, человек исчезает. В других случаях я выталкиваю людей из большого окна, чтобы спасти их, но мы находимся слишком высоко над землей, поэтому они просто падают на тротуар, распадаясь на части, будто сделаны из блоков Lego (очевидно, мой внутренний комитет по цензуре сновидений не одобряет вида крови и плоти, за что я бесконечно благодарна). Во сне я знаю, что люди упадут на землю, и я знаю, что они умрут, но у меня как будто нет выбора. Они вылетят в окно, нравится им это или нет.

– Эти сны никак не прекратятся, Кэти. Как ты думаешь, может, тебе лучше поговорить с кем-то об этом? Я имею в виду с профессионалом?

– И что мне рассказать? Если я скажу правду, меня отправят в психушку.

– Не отрицаю, но, может быть, ты могла бы получить что-то, что поможет тебе уснуть? Или расслабиться? Мы могли бы сказать, что у тебя тревога на фоне экзаменов или что-то в этом роде.

– Можно попробовать, если станет хуже.

Похоже, он собирался сказать что-то еще, но все же меняет тему.

– Ты пропустила полный веселья день знакомства с искусством, – говорит он.

– Вы опять ходили в Национальную галерею?

– Нет. Мы посетили несколько небольших галерей на Р-стрит. Я собирался заглянуть к тебе и пожелать спокойной ночи, когда вернусь домой, но ты с кем-то разговаривала, и я не стал тебя беспокоить. Это был Трей или твоя мама?

– Должно быть, это было в тот момент, когда я оставляла сообщение для Трея. Он пригласил меня на какое-то мероприятие для знакомства со школой в следующие выходные. Ты пойдешь?

– Нет. Я слышал об этом, но это частная вечеринка, а не официальное мероприятие. Она будет проходить в доме одного из поступающих студентов. Я думаю, что на ней будут только управление школы и несколько старших преподавателей Браяр Хилл. Вероятно, чтобы сгладить последствия слияния. Хочешь еще кофе?

– Нет, спасибо. Какого слияния?

Папа смотрит на меня удивленно.

– Ты не помнишь всех тех встреч, на которые я жаловался?

Я качаю головой, и он озадаченно смотрит на меня, прежде чем продолжить:

– Кэррингтон Дэй, частная школа неподалеку от Силвер-Спринг, которая купила Браяр Хилл. Не помнишь?

– Что? Нет. Но, кажется, Трей говорил что-то о Кэррингтон Дэй в своем сообщении. Когда проходили эти встречи?

– Худшие из них прошли в январе, сразу после того, как я начал работать, но они затянулись на несколько месяцев. Это было настолько безумно, что я уже был готов уйти. Родители учеников Браяр Хилл подняли шум из-за того, что их детям из средней школы теперь придется ехать в Кэррингтон, – он делает паузу. – О, подожди. Изменения временной линии?

– Должно быть. Я ничего подобного не помню.

Каждые несколько дней я натываюсь на некоторые другие, не сильно значительные изменения в хронологии событий. Иногда довольно просто узнать влияние киристов и всплеск их численности – появились десятки городов, разбросанных по всему миру, которые называются Кир-Сити или как-то еще. Южная Флорида почти полностью в руках киристов, и я почти уверена, что раньше все было не так. Остальные различия кажутся просто необычными последствиями. Например, как в серии фильмов «Железный человек». Я могла бы поклясться жизнью, что роль Пеппер Поттс в этих фильмах сыграла Гвинет Пэлтроу. Я смотрела их и знаю это совершенно точно. Но на днях я видела трейлер в Интернете, и теперь кто-то по имени Кэсси Мортимер играет Пеппер. По данным IMDb, Пеппер всегда играла она. Гвинет все еще актриса, и она довольно знаменита, но именно эта роль досталась той Кэсси. И она далеко не так хороша.

Каждый раз, когда я замечаю какие-то новые несостыковки, я не могу не задаться вопросом, какие еще изменения я вскоре обнаружу, особенно когда в школе начнутся занятия.

– Кейт. Земля вызывает Кейт.

– О. Прости. Я просто начинаю беспокоиться из-за школы. Дело в том, что последние несколько недель в школе в прошлом году прошли довольно гладко для меня, но что, если исто-

рия, которую помню я, будет отличаться от реальной? Или литература, если уж на то пошло? Шекспир вообще написал «Ромео и Джульетту»? А Пикассо...

– Кто написал что?

Я просто уставилась на него, а он уставился на меня широко раскрытыми невинными глазами, но он не выдержал и секунды, прежде чем расплыться в улыбке.

– Это было совсем не смешно, папа.

– Эй, ты ведь у меня в долгу за шутку про Альфонса.

– Прекрасно, но я говорю совершенно серьезно, – я хватаю тарелки и несу их к посудомоечной машине.

– Я вижу, – говорит он, убирая со стола. – Но, Кейт, это не значит, что различия так огромны. Ты будешь в порядке. Возможно, тебе просто придется приложить к учебе чуть больше усилий, чем обычно.

Я закатываю глаза и ставлю одну из тарелок на нижнюю полку.

– Да. Ведь мне больше нечем заняться в этом году, верно?

Папа забирает у меня последнюю тарелку и кладет ее в посудомоечную машину, а потом подходит и крепко обнимает меня. Я опускаю голову ему на грудь.

– Кейт, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе. И со школьными делами, и со всем остальным, что тебе потребуется. Ты ведь знаешь это, правда?

Я киваю и чувствую, что немного расслабляюсь.

– Но, – добавляет он, – я знаю, что ты не хочешь этого слышать, и мне, как учителю, больно даже намекать на это, но, может быть, Кэтрин права? Может быть, тебе вообще не стоит сейчас беспокоиться о школе? Или о чем-то еще. Может быть, это поможет тебе справиться с тревогой?

И я снова напрягаюсь. Я еще раз обнимаю его и отстраняюсь, шагая к окнам. Мы уже говорили об этом раньше.

– Может быть, – говорю я, стиснув руки по бокам. – А может быть, это только усилит мою тревогу. Никто не задумывался об этом? У меня такое чувство, будто она ждет, что я стану какой-то машиной, которая просто носится вокруг и собирает эти проклятые медальоны. И я знаю, что все это необходимо делать – особенно если на кону действительно стоят миллиарды жизней. Я имею в виду, что я не монстр.

Папа ничего не говорит, просто смотрит, как я расхаживаю.

– Ты знал... – я делаю глубокий вдох. – Ты знал, что на этой неделе я потратила пару часов на изучение законов Мэриленда о ношении пистолетов? Я собиралась записаться на обучение стрельбе из огнестрельного оружия. Но тебе придется купить пистолет, поскольку мне еще нет восемнадцати.

– Ты же ненавидишь оружие.

– Да. Я правда ненавижу оружие. Особенно пистолеты. Сама мысль о том, что мне придется прикоснуться к одному из них, приводит меня в ужас. Но то, что меня преследовал человек с пистолетом, в тот момент, когда я была безоружна, напугало меня не меньше.

Я вытираю слезу, но за ней тут же бежит вторая, поэтому я сдаюсь и даю им волю.

– И кто знает, что будет дальше, папа? Неужели я отправлюсь в Россию безоружной? А что, если у меня будет пистолет и мне придется кого-то застрелить, если я вообще смогу кого-то застрелить, и, когда я вернусь, обнаружу, что я запустила цепь событий, спровоцировав Третью мировую войну, произошедшую в 1960 году, и никто из вас никогда не родится? И что насчет всех тех людей, которые никогда не появятся на свет из-за действий, которые я уже совершила?

Я вспоминаю ролик со словами Гомера, который Трей показывал мне прошлой ночью: «Видит бог, я не хотел убивать рыбку», – и начинаю смеяться. Но этот истеричный смех пугает меня, и, видимо, папу тоже, потому что он подходит и обнимает меня. Он подводит меня к окну и раскачивает взад-вперед, пока я плачу и смеюсь одновременно.

Примерно минуту спустя он отвечает кому-то резким голосом: «Нет, не сейчас». Я не знаю, кто это был: Кэтрин или Коннор. Кто-то из них пришел с Дафной, и она игнорирует просьбу папы или, возможно, просто понимает, что это не касалось ее. Дафна никогда не оставляет в одиночестве расстроенного человека. Наверное, это хорошая привычка, потому что трудно оставаться в плохом настроении, когда она обнюхивает твою руку, пытаюсь понять, как сделать лучше.

В конце концов мне удастся взять себя в руки и сдержать слезы.

– Прости, пап. Что-то я расклеилась.

– Нет, это ты меня прости, – говорит он, снова притягивая меня к себе. – Мне очень жаль, что я не могу это исправить. Ни один семнадцатилетний подросток не заслуживает такого давления. Я не представляю, как ты с этим справляешься. И мне очень жаль, что меня не было рядом, когда ты проходила через все это впервые.

– Па, ты ни в чем не виноват. У тебя были и другие обязательства, и, несмотря на это, ты все равно хотел помочь. – Он знает всю историю о том, как я встретила его второе «Я», счастливо женатое и преподающее в делавэрской школе. Я не стала упоминать о пяти лишних килограммах, которые он набрал в счастливом браке, но я рассказала ему все, что помнила о двух маленьких мальчиках – Джоне и Робби. Я не знаю, помогло это ему или нет, но это была самая малость, которую я могла сделать, чтобы вернуть этих детей из небытия.

– Ты когда-нибудь думал о той, другой, жизни, папа? Жаль, что у меня не было времени узнать ее фамилию.

– Что? Чью фамилию?

– Твоей Эмили из другой временной линии. Я имела в виду, может быть, она не замужем и, возможно...

– Эй, эй... нет. Нет, Кейт. У меня есть Сара в этой временной линии, и я счастлив этому. – Он крепко сжимает мое плечо. – А еще у меня есть *ты* в этой временной линии, что делает меня еще счастливее.

Мы оба молчим с минуту, а потом он говорит:

– Честно говоря, Кейт, я не очень много думал об этой истории. То есть что, если бы я рассказал тебе какую-нибудь историю о том, как ты решила продолжить уроки фортепиано, когда тебе было девять...

– Этого бы не случилось ни в какой из временных линий, папа.

– ...И стала семнадцатилетней артисткой, играющей в Карнеги-холле? Ты бы потратила время, заикливаясь на этом потерянном будущем?

Мне не приходится долго думать над ответом.

– Нет, но я бы не хотела такого будущего. Я ненавидела репетиции и концерты, поэтому нет. Но это не одно и то же. Ты, казалось, был очень счастлив.

– Я очень счастлив и в этой временной линии. Конечно, я не танцую от счастья прямо сейчас, но это потому, что мой ребенок несет на своих плечах всю тяжесть мира – я это серьезно – и я не могу ничем помочь. Но я все еще лелею надежду, что когда-нибудь снова буду настоящим счастлив. Так что нет, Кейт. Я не собираюсь думать ночами об этом альтернативном будущем. Если это одна из тех вещей, что тяготят тебя прямо сейчас, то понапрасну.

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть ему прямо в глаза, и убеждаюсь, что он говорит мне правду.

– О'кей. Но вернемся к тому, с чего начался весь этот крах, то, что помогло мне пережить перемещение в 1893 год, было осознание того, что это был единственный способ вернуть мою жизнь – или, по крайней мере, вернуть тебя, маму и Кэтрин.

После короткой паузы он немного неуверенно произносит:

– И Трея?

– Да, – я думала именно об этом, но решила обойти весь этот разговор-с-папой-о-моей-личной-жизни. – Три из четырех – неплохо. И я не собираюсь останавливаться, пока не получу четыре из четырех.

Он притягивает меня к себе и целует в лоб.

– Дай ему время, Кэти.

– В этом-то и проблема. Я хочу дать ему время. Я хочу проводить с ним время. Я хочу видеть его в школе и общаться с ним, потому что у нас *есть* связь. Может быть, она не очевидна, но я чувствую ее...

Я вздыхаю. Мне очень трудно это осознать, не говоря уже о том, чтобы выразить словами.

– Наверное... в прошлый раз у меня не было выбора. Я должна была четко выстроить хронологию, чтобы вернуть свою жизнь, и у меня был хотя бы небольшой шанс вернуть Трея. И у меня была конкретная, четкая задача – спасти Кэтрин на ярмарке. Как оказалось, это было не так уж просто, но, по крайней мере, я могла... концептуализировать это, понимаешь?

Он кивает, и я продолжаю:

– Тем не менее на этот раз я вроде как довольна временной линией, в которой нахожусь сейчас. У нас с Треем все не так, как было, и не так, как я хотела бы, но, думаю, что в конце концов у нас что-то получится. То, что планируют Сол и киристы – огромное, аморфное зло, которое я никак не могу определить. Я вообще не знаю, где все остальные медальоны, и даже после того, как мы их найдем, нам все равно придется заставить Сола, Пруденс и, возможно, Саймона, отдать нам их ключи. Пруденс предупредила меня, чтобы я больше не вмешивалась, и каждым своим действием я будто дразню зверя, понимаешь? Напрашиваюсь на неприятности. Часть меня хочет просто затаиться на некоторое время, жить своей жизнью и надеяться, что, возможно, она ослабит свою бдительность.

– Но?... – спрашивает он.

– Другая часть говорит, что я никак не смогу нормально спать, пока каждый медальон не будет разбит вдребезги, чтобы никто, даже я, не смог вмешаться в какую бы то ни было временную линию, в которой мы окажемся. Единственное, в чем обе части меня сходятся, так это в том, что неопределенность сводит меня с ума.

– Ладно, как я говорил тебе ранее, нужно поговорить с кем-то... – Он поднимает руку, когда я пытаюсь вставить свое слово. – Нет, подожди, выслушай меня. Ты права – если бы мы отвели тебя к профессионалу, тебя бы заперли или дали столько антипсихотических препаратов, что ты не смогла бы увидеть медальон, не говоря уже о том, чтобы использовать его. Но. Может быть, сейчас будет лучше, если рядом будут оба родителя? Твоей маме потребовалось бы некоторое время, чтобы пон...

– Нет. Вчера я, может быть, и согласилась бы с тобой, но... – ему я могу рассказать. – Ладно, она собиралась позвонить тебе сегодня, и я бы предпочла, чтобы ты не говорил ей, что я уже рассказала тебе все, но у нее сейчас появился действительно невероятный шанс на работе. Все подробности она расскажет сама, но ее ждет большое путешествие, и она уезжает в середине следующей недели. Я не думаю, что она уедет, если мы расскажем ей об этом. И даже несмотря на то, что Кэтрин, вероятно...

Я собираюсь упомянуть о своем подозрении, что Кэтрин как-то связана с путешествием мамы. Но у меня нет никаких доказательств, что она имеет к этому какое-то отношение, и она вовсе не выглядела виноватой, когда я упомянула об этом, поэтому я промолчала.

– Кэтрин, вероятно, что?

– Ничего, просто... они будут спорить из-за этого всего. Ты же знаешь, что так и будет. Кэтрин и без того хватает головной боли, да и мне тоже.

Он кивает, но его зеленые глаза настороженно смотрят на меня.

– Я знаю, о чем ты думаешь, папа. Я обещаю, что возьму вину на себя, если мама узнает. Я скажу, что ты умолял меня рассказать ей об этом, прежде чем она уедет в эту поездку, но я отказалась.

– Это может спасти мою шкуру, но не твою. Я не хочу, чтобы она на тебя сердилась.

Он бросает быстрый взгляд в сторону библиотеки.

– Этого не случится. Мы с мамой никогда не станем такими, как мама и Кэтрин. Клятва на мизинцах.

– Двойная клятва на мизинцах?

Мы сцепляем мизинцы на обеих руках.

– Сделано.

Он улыбается, затем опускает взгляд на костяшки моих указательных пальцев, ярко-розовых от того, что я их постоянно кусаю, и улыбка исчезает с его лица.

– Мне придется поговорить с Кэтрин. Никто не будет тебя торопить, ты ведь знаешь это? У тебя будет столько времени, сколько понадобится. На самом деле, – говорит он, глядя на свои часы, – ты сейчас под моим присмотром, и я запрещаю тебе даже думать обо всем этом в течение следующих двадцати четырех часов. Одевайся и выбирай фильм. Я думал предложить какой-нибудь мультик, но ты вправе выбрать, только если это будет комедия. А потом поужинаем где-нибудь, но только не здесь. После чего ты проспишь как минимум десять часов, без каких-либо дурацких снов.

Я закатываю глаза, но не могу сдержать улыбку.

– Ну да, конечно.

– Не спорь со своим отцом. Ты и близко не подойдешь к этому дневнику до завтрашнего дня. И если Кэтрин не согласна с этим, она может пойти и поискать другого путешественника во времени, который будет выполнять ее поручения.

* * *

Pixar и попкорн отлично подходят для отвлекающего комбо. Потом мы идем в Dave & Buster's, и я задаю жару папе во Fruit Ninja (а он задает мне в Skee-Ball). Моим разумом пару раз овладевают беспокойные мысли, но сегодня днем я впервые за долгое время хоть нанемного избавилась от стресса.

Мы возвращаемся домой, и я решаю слегка размяться, но у меня немного болит голова после вчерашнего марафона. Закончив, я готовлю себе горячую ванну, бросаю горстку ароматных лавандовых хлопьев и наслаждаюсь долгим, роскошным погружением. Когда я вылезаю из ванны, еще только начало девятого. Я все же натягиваю пижаму и сворачиваюсь калачиком на диване, размышляя, стоит ли скачать какой-нибудь новый роман или посмотреть фильм.

Фильмов сегодня я уже насмотрелась, поэтому выбираю книгу, но спустя полчаса она перестает быть интересной. Я продолжаю поглядывать на дневник, просмотр которого теперь кажется более заманчивым, возможно, потому, что мне строго запретили к нему приближаться.

Я беру его и нажимаю на ссылку 34, записанную вскоре после поездки в Даллас в этой более ранней версии временной линии. Другая-Кейт ест мини-морковку, обмакивая ее во что-то зеленое, что мне не удастся идентифицировать, поэтому мне приходится слушать ее рассказ сквозь хруст. Я испытываю отвращение и вместе с тем мне кажется, что морковь выглядит довольно аппетитно, особенно если в этом соусе есть васоби.

Она начинает говорить о тренировках, но затем слово «спутник» привлекает мое внимание, поэтому я возвращаюсь к началу предложения:

«Во всяком случае, Кэтрин думает, что Меллер наблюдает за пресс-конференцией о спутнике, но это предположение основано на ее воспоминаниях об одном из еженедельных собраний, на которых историки садились за стол и рассказывали о своих исследованиях. Всего их

было тридцать шесть, и когда она присутствовала на этом собрании, то никак не могла представить, что оно будет последним. Кроме того, это было более сорока лет назад, так что кто знает, что из этого правда?

По-видимому, никто в СССР не считал этот запуск чем-то грандиозным, пока они не узнали, что американская пресса была в бешенстве. То, что началось как небольшая заметка на странице «Правды» 4 октября, превратилось в многостраничное патриотическое безумие в выпуске следующего дня. Значит, конференция могла состояться в какой-то из этих двух дней».

Она останавливается, чтобы прожевать очередную морковку, прежде чем продолжить:

«Но Коннор не думает, что русские вообще утруждали себя пресс-конференциями. Зачем проводить пресс-конференцию, если у вас есть государственные СМИ? Вы просто даете «Правде» то, что нужно опубликовать. Он думает, что Кэтрин идет по ложному следу, и я с ним согласна. Но, поскольку Коннор редко спорит с Кэтрин в открытую, бросить ей вызов пришлось мне.

Более важный вопрос для меня заключается в том, какие идиоты посылают исследователей в Россию в разгар холодной войны? То есть, конечно, они, вероятно, тренировались в течение многих лет, и они, вероятно, могли бы смешаться с местными намного лучше, чем...»

Я нажимаю на «паузу». Всякий раз, когда эта Кейт отвлекается от разговора о произошедших событиях и дает волю потоку своих мыслей, у меня возникает чувство, что я наблюдаю за собой в зеркале. Это одновременно странно и скучно, потому что она говорит ровно то, о чем я думаю, используя те же фразы и те же жесты. Осталось еще добрых семь минут, и я почти уверена, что она просто задумалась и не собирается говорить ничего такого, о чем я еще не размышляла, поэтому я перематываю на несколько минут вперед и нажимаю на воспроизведение.

«...Собирать наряд начала 1900-х годов. Не могу сказать, что я в восторге от этого, но во Флориду я бы отправилась. В Форт-Майерсе начиная с 1895 года есть стабильная точка, указанная как «Эдисон/Форд/Корешанс». У Томаса Эдисона и Генри Форда были там летние домики, я немного порылась и выяснила, что корешаны были малоизвестным культом, они обосновались недалеко от Форт-Майерса в 1895 году, чтобы создать свою собственную маленькую утопию. Что меня заинтересовало, так это то, что Кореш – это древнееврейский вариант имени Кир.

Я останавливаю запись и снова просматриваю последнюю часть, чтобы убедиться, что я правильно расслышала, а затем мчусь по коридору в библиотеку, горя желанием поделиться своей находкой. Кэтрин сидит за одним из трех компьютеров. Я кладу дневник перед ней и нажимаю на видео, чтобы снова воспроизвести этот кусочек.

– Это не Сол, – говорит Кэтрин, даже не досмотрев видео, и снова поворачивается лицом к экрану компьютера.

– Откуда ты знаешь? Слишком уж серьезное совпадение, не думаешь? Ты расслышала последнюю фразу? – Я начинаю перематывать видео, пытаюсь попасть в ту золотую серединку, где другая-Кейт заканчивает жаловаться на Кэтрин и начинает говорить о Флориде.

– Расслышала. Я уже проверила это. Кореш – не Сол, – она открывает окно браузера и выводит на экран фотографию Сайруса Рида Тида, который и есть Кореш. Это мужчина средних лет, с глубоко посаженными глазами и квадратным лицом, и он совсем не похож на Сола.

– Я не говорю, что между ними нет никакой связи или что Сол не знал о нем, – продолжает Кэтрин. – Он был религиозным историком и изучал множество подобных группировок. Но они определенно уже существовали, прежде чем он начал переделывать временную линию. Это не очень известная группа, но в библиотеке можно найти несколько упоминаний о них. –

Она кивает в сторону полок позади себя, где сотни или скорее тысячи книг заполняют стены сверху донизу вдоль трех стен комнаты.

Все книги в этой библиотеке были написаны до того, как Сол запустил изменения, создавшие «Кирист Интернэшнл». Они были под постоянной защитой поля ХРОНОСа благодаря той хитроумной штуковине, которую соорудил Коннор, чтобы сделать этот дом безопасной зоной. И вместе с тем библиотека стала очень необыкновенной, по крайней мере, для тех, кто имеет ген ХРОНОСа и может видеть ярко окрашенные трубки, которые тянутся от пола до потолка и встречаются в центре комнаты, образуя огромный крест.

– Корешаны – это, как ты сказала ранее, «настоящая история», а не дело рук Сола, и Сайрус Тид, конечно же, не Сол.

Я вздыхаю.

– Ладно. В таком случае я продолжу.

– Стой. Мы можем поговорить минутку?

Я киваю, несмотря на то что по выражению ее лица и резкому тону ясно, что этот разговор, скорее всего, будет неприятным.

– Во-первых, пока тебя не было, звонила твоя мать. Она сказала, что уже обсуждала с тобой эту поездку в Италию, и ты не возражаешь, но она хотела убедиться, что во время ее отсутствия ты будешь здесь. И я сказала ей, что, конечно, все так и будет.

Я немного колеблюсь, а потом решаю спросить прямо.

– Значит, ты не знала о поездке, пока она не позвонила?

Кэтрин выглядит смущенной.

– Нет. А должна была?

– Ну ты же работала в университете в Италии, и...

Она смеется.

– В Италии не один университет, Кейт. Ты говоришь так, как будто Италия – это крошечная деревня. Уверяю тебя, Дебора получила эту возможность не потому, что я подергала за ниточки.

Кэтрин кажется искренней, но я не совсем ей верю. Она искусная актриса, и настораживает не столько место, сколько время. Мама получила возможность отправиться в эту поездку как раз тогда, когда Кэтрин стало удобно на некоторое время убрать ее с дороги. Но я не знаю, имеет ли это какое-то значение, потому что я не сказала бы маме, даже если бы Кэтрин призналась, что она организовала все это.

– Во-вторых, сегодня утром мы долго говорили с твоим отцом. Я... – она делает паузу и глубоко вздыхает. – *Прости*, если я слишком сильно давила на тебя. Я совсем не этого хотела, Кейт.

Я пожимаю плечами.

– Все нормально...

– Нет, – говорит она, взяв меня за руки. – Это не нормально. Да, все это неизбежно в какой-то степени, но все же это ненормально. Я люблю тебя и отдала бы все, чтобы ты смогла вернуться к своей обычной жизни. Если я давя слишком сильно, это только потому, что я огорчена, что не могу сделать это вместо тебя.

Я отдаю ей должное за то, что она не назвала самый очевидный источник своего огорчения – опухоль, которая повисла в воздухе над нами, словно четырехсоткилограммовая горилла, хотя она, вероятно, весит всего лишь граммов двести или около того. Если бы не это, Кэтрин не чувствовала бы, что ее часы на исходе и что она может никогда не узнать, остановим ли мы Сола. И хотя она не говорит этого вслух, то, что она умирает и что у нее осталось всего несколько месяцев, неизбежно и почти осязаемо.

Я грустно улыбаюсь ей и протягиваю руку, чтобы взять дневник со стола.

– Что ж, если это не Сол, то мне следует продолжить. Ты сказала, что у тебя есть какая-то программа для изучения русского языка?

– На общем диске. Там же ты найдешь файл с надписью: «Повестка дня», но это скорее мои подробные воспоминания о том, кто куда направлялся в день последнего перемещения из ХРОНОСа. Взгляни на них, а затем дай нам знать, что ты хочешь сделать и когда ты хочешь это сделать.

Ее извинения минуту назад звучали искренне, но я не могу отделаться от ощущения, что ее последние слова немного задели меня, как будто я веду себя как какая-нибудь примадонна.

– Кэтрин, я вовсе не пытаюсь командовать вами. Я просто...

Она сжимает губы в тонкую линию и на мгновение задерживает на мне взгляд. Когда она продолжает, ее голос звучит напряженно:

– Это ты совершаешь перемещения, поэтому именно ты будешь задавать темп и решать, что и когда произойдет. Гарри ясно дал это понять сегодня днем. Сейчас я работаю над сбором костюмов, но в остальном единственное, на что мы с Коннором годимся, – это фоновые исследования. Так что, как я уже сказала, просто дай нам знать.

С этими словами Кэтрин снова поворачивается к экрану компьютера, ясно давая понять, что я свободна. Я возвращаюсь в свою комнату, чувствуя, что веду себя по-детски и неразумно, но в то же время обижаясь на то, что она заставила меня так себя чувствовать. Она обладает сверхъестественной способностью превращать извинения в выговор.

Я снова открываю дневник и нажимаю на следующую запись. Это один из тех редких роликов, которые как-то названы, а не просто пронумерованы: *Форт-Майерс 040302*. Когда на экране появляется другая-Кейт, я вижу, что она уже в месте назначения. Может быть, поэтому оно получило название?

Ее волосы собраны в пучок, несколько выпавших прядей прилипли к шее и лбу. Кровать позади нее завернута в какую-то тонкую ткань, и она сидит на деревянном стуле с высокой спинкой, одетая в белый камзол, который плотно облегает ее тело, не скрывая свечение ключа ХРОНОСа. Белая блузка с длинными рукавами и юбка-комбо висят на спинке кровати. Одежда похожа на ту, что я носила в Бостоне, за исключением того, что пуговицы на блузке спереди. Она выглядит довольно несчастной и говорит шепотом:

Помнишь, я говорила, что поездка во Флориду звучит неплохо? Что ж, это не так. Это богом забытые джунгли с комарами размером с колибри. Прямо посреди этой кровати я нашла толстую зеленую ящерицу, сидящую так важно, будто она здесь хозяйка. Я не смогла ее поймать, так что она все еще где-то здесь. Очень рада, что мне не придется спать в этой комнате. Тем не менее я создала здесь стабильную точку, чтобы могла приходить сюда и уходить, и теперь я жду, когда с лодки доставят мой багаж. По нынешней легенде, я репортер, пишущий о «Корешанском союзе» для одной газеты на севере. И эта комната служит мне убежищем, которое не позволит потерять сознание от нескольких слоев одежды в эту безумную жару. Сейчас апрель, но ощущается как август.

Так или иначе завтра воскресенье...

Ее тело на мгновение напрягается и замирает, а потом она поднимает правую руку и хлопает себя по левому плечу. Она с отвращением морщит нос, глядя на свою ладонь, а затем поднимает ее к камере. На внутренней стороне ее ладони большое черно-красное пятно.

Видишь? Это огромные, кровожадные монстры, но я, по крайней мере, добралась хотя бы до одного из них.

Часть убитого комара все еще липнет к ее коже. Я машинально вытираю свое плечо, которое, конечно же, ничем не забрызгано. Трудно сосредоточиться на том, что она говорит, пока на ней эта красновато-черная полоса, и мне так хочется дотянуться до голографического дисплея и стереть ее с моего – ее – плеча.

О'кей... что я... Ах да, по воскресеньям у корешанов музыкальные концерты. Местные получают приглашение – в Форт-Майерсе развешено несколько флаеров, и у пирса будет ждать лодка, которая заберет людей в поселение к часу дня.

Я знаю, что Кэтрин права и это место существовало до того, как появились киристы, но кое-что беспокоит меня. То, что «Кореш» значит «Кир». То, что они в течение нескольких лет базировались в Чикаго, и это время приходится на Всемирную выставку, когда Кэтрин и Сол совершали десятки перемещений в этот город. И, наконец, то, что некоторые даты не совпадают. Согласно той информации, что хранится у Кэтрин в защищенных ХРОНОСом файлах, Истеро был основан в 1904 году, но когда Коннор начал рыть глубже, он обнаружил, что группа была основана тремя годами ранее в этой временной линии и, похоже, у них больше последователей. С датой могли ошибиться, но мы решили, что ее стоит проверить...

Так же, как и я. Желая как можно скорее утолить свое любопытство и проверить, изменились ли даты и в этой временной линии, я закрываю дневник, беру планшет и открываю Википедию в поисках «Корешанского союза». Меня тут же переадресовывают на другую страницу. С минуту я смотрю на заглавие статьи, затем вскакиваю и несусь по длинному изогнутому коридору в библиотеку.

– Кэтрин! Ты же говорила...

Но Кэтрин там больше нет.

Коннор поднимает ладонь.

– Внизу. Но я почти уверен, что она спит, так что придется подождать. Что случилось?

Я падаю в офисное кресло, придвигаю его к нему так, чтобы мы вместе могли видеть экран, и указываю на маленькую ссылку под словами «Кирист Интернэшнл». Слова гласят: «Перенаправлено с „Корешанский союз“».

Коннор кивает.

– Да. Это одно из обществ, поглощенных киристами. Оно идеально подходило для Сола, так как «Кореш» значит то же, что и «Кир».

– Но Кэтрин всего несколько минут назад сказала, что они никак не связаны. Что Сол мог знать о них, но не более того. И да... то есть он определенно не Сол, судя по той фотографии, которую она мне показала, но если Википедия перенаправляет...

– Википедия не ошибается, да? – он смеется и кладет iPad на стол.

– Нет. Но почему Кэтрин сказала мне, что они не связаны между собой, если они явно связаны?

Он откидывается на спинку кресла. Он потирает свои виски, уперев локти в подлокотники и горько улыбаясь. Возможно, причина в том, что я уже несколько раз видела, как Кирнан так же потирает виски, но это был первый раз, когда Коннор хоть немного напомнил мне своего прадеда.

– Что? – спрашиваю я.

Коннор молчит еще несколько секунд, а затем откидывает голову назад и устремляет взгляд в потолок.

– Она *больна*, Кейт. И ты это знаешь. Она говорит, что все в порядке, но это не первый раз, когда она забывает о какой-то разнице между этими двумя временными линиями. И перепады в ее настроении – теперь она раздражается от любой мелочи, особенно на тебя. Стероиды могли вызвать незначительные изменения личности, которые привели к ярости, или, возможно, опухоль начала расти быстрее. В общем, она не будет тратить время в больницах, потому что ей уже ничего не поможет. Черт, она даже не позволяет мне нанять медсестру, которая следила бы за ее лекарствами, потому что она боится, что будет слишком трудно скрыть все это безумие, связанное с ХРОНОСом, от кого-то, кто будет каждый день находиться в этом доме. Ты же помнишь, как она закатила истерику по поводу всей этой истории с карате, а речь шла всего о двух часах в неделю.

Я хорошо это помню. В прошлый понедельник я сидела у себя в комнате и просматривала некоторые дневниковые записи. Взглянув на часы, я обнаружила, что уже почти половина пятого, а это означало, что я пропустила свой урок карате с сэнсэем Барби, назначенный на три часа дня. Когда Барби позвонила в дверь, Кэтрин была внизу и развернула ее прямо у входа. Она отменила урок, сказав, что у нас изменились планы. А узнала я все это, только когда Барби позвонила мне на мобильный и оставила сообщение, сказав, что Кэтрин не только не заплатила ей, но даже не извинилась за то, что заставила ее проделать весь этот путь до нашего дома. Я перезвонила ей, чтобы извиниться и пообещать, что ей все будет возмещено, но наткнулась на автоответчик. Наверное, Кэтрин была невероятно груба, раз Барби до сих пор не перезвонила. И что мне ответила Кэтрин? Она решила, что я слишком занята исследованиями, чтобы отвлекаться на урок. Тогда я сказала ей не отменять мои планы, не спросив разрешения, и списала ее поведение на то, что она всегда была равнодушна к моим занятиям. Теперь я задаюсь вопросом, не было ли это еще одной из этих смен настроения.

– Ты думаешь, ей становится хуже? – спрашиваю я.

– Она смертельно больна, Кейт. А это значит, что ей будет *только* хуже. Судя по тому, что доктор сказал в прошлый раз, думаю, у нее еще есть несколько месяцев, но нет никаких гарантий, особенно когда она не отдыхает должным образом. Я имею в виду, вся эта история с дневником, когда ты вернулась из Далласа...

– И?

– Я не виню тебя, но из этого все равно бы ничего не вышло. Сейчас она почти не может пользоваться этим оборудованием. Я не знаю, опухоль это или лекарства, но я видел, как она швырнула один из дневников через всю комнату на диван, потому что она не могла его пролистать. – Он наклоняется вперед и продолжает более низким тоном: – Если ты упомянешь об этом Кэтрин, я буду отрицать, что сказал тебе это. Я буду откровенно лгать, потому что сейчас ей нужен кто-то, кто будет на ее стороне. Думаю, теперь нам не стоит надеяться на то, что она будет в состоянии принимать какие-то решения.

Я скрещиваю руки на груди и опускаю взгляд.

– О'кей. Поняла. Я просто вернусь к...

– Кейт, подожди минутку, ладно? Я видел тебя сегодня утром на кухне, и я был здесь, когда Гарри говорил с Кэтрин сегодня. Я все *понимаю*. Правда. Сейчас всем очень трудно, и...

– И я единственная, кто может что-то с этим поделать.

Он кивает.

– Это отстой, но да. Так оно и есть. Никто на тебя не давит, так ведь?

Я одабриваю его своей неуверенной улыбкой.

– Итак, поскольку Кэтрин сейчас не самый надежный источник информации, что ты можешь рассказать мне об этих корешанах? Тебе известно, почему даты отличаются?

– Ну, Сол – это не Кореш, и не один из полудюжины других лидеров культов, последователей которых он, эм... присвоил? Но мы знаем, что он вложил много ресурсов в эти общества, чтобы заманить их в свое логово. Даты, вероятно, отличаются просто потому, что у них было больше последователей и больше денег в тот момент. Но я еще пороюсь.

– Спасибо. Следующие несколько дней я собираюсь побыть у мамы, у нас осталось не так много времени до ее отъезда, и мне нужно провести некоторое время с ней. Но я составлю предварительный список с порядком, в котором, как мне кажется, нам следует заняться этими перемещениями, пока я там, и обсудим это с тобой, папой и Кэтрин, когда я вернусь. Так пойдет?

– Да, но мне интересно, почему ты исключаешь из этого уравнения единственного человека, который действительно способен тебе помочь.

Сначала я не понимаю, о чем он, но потом осознаю, что он имеет в виду Кирнана. Он прав. Кирнан несколько ограничен в использовании ключа, но он единственный человек, кото-

рый хоть как-то может использовать его – по крайней мере, единственный на нашей стороне. И он больше всех знает о нашем прошлом опыте, за исключением другой-Кейт, которая сейчас, к сожалению, недоступна для интервью.

Наверное, я слишком задумалась, потому что Коннор продолжает:

– Ты думаешь, он все еще верен киристам?

– Нет. Ни в коем случае. – Я вспоминаю выражение лица Кирнана в хижине на Лесном острове, после того как он спас меня из отеля и я спросила его, не бросил ли он наше дело. – Он ненавидит их так же сильно, как и все остальные. Просто... ему очень трудно переместиться куда-то далеко из своей временной линии. Он сказал, что это истощает его и...

– Это трудно, но на короткое время вполне возможно. – Коннор бросает на меня долгий испытующий взгляд. – Так ведь ты говорила, верно? Или есть другая причина, по которой ты держишь его на расстоянии?

Я вздыхаю и подтягиваю к себе колени.

– Кирнан хочет помочь. Но... у меня такое ощущение, будто я сыплю ему соль на рану. Я не хочу, чтобы все стало еще хуже, или... не хочу обнадеживать его, наверное. Он уже достаточно пострадал. Когда он смотрит на меня...

– Он уже взрослый, Кейт. Если он так сильно ненавидит Сола и киристов, как ты говоришь, разве ты не должна позволить ему принять это решение?

– Я не хочу причинять ему боль. Я уже чувствую, что многим ему обязана, и мне нечего дать ему взамен. Я всего лишь напоминаю о том, что он потерял.

Коннор отрицательно качает головой.

– Единственная веская причина держать его на расстоянии – это если в глубине души ты не доверяешь ему.

– Это не вопрос доверия, Коннор.

«Если только, – говорит этот тоненький голосок в моей голове, – *ты не доверяешь самой себе?*»

6

Бостон

25 июля 1905 года, 11:35

Кирнан спит, положив голову на одну руку и свернувшись калачиком вокруг подушки. Какое-то мгновение я наблюдаю за ним, а потом меня пробивает дрожь, когда я представляю себе, как бы я себя чувствовала, если бы обнаружила, что кто-то без моего ведома наблюдает за мной, спящей. Но почему он все еще спит в десять утра? Я думала, что в 1905 году все люди рано ложатся спать и рано встают. Очевидно, не Кирнан.

А еще приходит в голову, что я понятия не имею, в чем он спит. Или спит ли вообще в чем-то. И он может в любую секунду сбросить с себя это покрывало. Поэтому я перескакиваю вперед, к полудню, и обнаруживаю только пустую комнату. Я отматываю назад на пять минут и наконец срываю джемпот в 11:35. Он проснулся и сидит на кровати в черных брюках и белой рубашке с длинными рукавами, застегнутой до самого горла. Тонкая черная полоска ткани – может быть, какой-то галстук? – свисает с его воротника по обеим сторонам.

Он постригся, но ему, правда, было лучше с длинными волосами. Конечно, это не мое дело. Я делаю глубокий вдох, а затем моргаю, чтобы зафиксировать место назначения.

Как и всегда, его лицо начинает светиться, как только он видит меня.

– Кейт! Сегодня четверг. Я думал, ты будешь здесь в субботу.

– О. Нет. То есть да, это так. – На самом деле я совсем забыла про субботу, что, как я подозреваю, заденет его чувства. Надеюсь, если я просто продолжу, то смогу обмануть его сверхъестественную способность читать каждую эмоцию, проскальзывающую на моем лице. – Я по другому делу. Мне хотелось спросить у тебя совета насчет пары перемещений, но вижу, что у тебя есть планы. Я просто вернусь попозже.

– Да, я собирался на работу. Но я легко могу пойти и завтра. Что случилось?

– Нет, все в порядке. Я не хочу, чтобы ты пропускал свой рабочий день из-за меня.

Он смеется.

– Я ничего не пропущу. Я пойду на сегодняшнюю работу завтра. Или послезавтра.

Я прожигаю его взглядом, потому что ему явно нравится морочить мне голову. Тем не менее после тех последних нескольких дней мне действительно уже пора бы разбираться со всей этой временной относительностью. Рак может ограничить время, оставшееся у Кэтрин, но я могу перемещаться назад, если потребуется, до тех пор, пока не испорчу свои воспоминания, встретившись с другими версиями себя в одном и том же месте в одно и то же время. В общем, я потратила около ста часов на исследования и еще тридцать часов провела с мамой, выполняя ее поручения и прочее, готовясь к ее поездке в Италию.

– Ладно, – говорю я, присаживаясь на край его кровати. – Я провела последние... Не знаю, но мне кажется, что прошло уже целое столетие... пока просматривала записи в дневнике и заметки Кэтрин. Завтра у нас будет совещание по этому поводу, и я думаю, будет лучше, если ты придешь.

– Так, прошла... неделя с тех пор, как ты была здесь?

– Календарь говорит, что шесть дней, но большую часть этих часов я провела дважды или трижды.

– А как насчет твоего решения не торопиться? Ждать, пока ты – как ты говорила – не поймешь, какого черта происходит?

– Отчасти это из-за Кэтрин. Но в основном дело в том, что, скорее всего, я никогда не узнаю, какого черта происходит. – Это было задумано как шутка. Хромая, конечно, но Кирнан либо не понимает ее, либо не считает смешной, потому что его мрачные глаза все еще сверлят меня.

– Можешь рассказать мне о тех двух поездках, описанных в дневнике? – спрашиваю я. – Первая была в 1902 году. Ты много раз говорил о ферме киристов, но где она находилась?

– Их больше чем одна. Я был на ферме в Иллинойсе как раз перед тем, как мы с тобой встретились на выставке, еще когда она была штаб-квартирой. Эта ферма все еще существует, но к 1902 году большинство из нас перебралось в Истеро...

– И там ты познакомился с другой-Кейт?

– Да. Она высматривала Нуэво-Рейно... ну, тогда это называлось не так, но позже оно стало так называться. Штаб-квартира «Кирист Интернэшнл» по-прежнему официально находится в Вашингтоне, но Сол был в районе Майами с тех пор, как переместился в 2024 год. Только пара человек точно знает, где он живет, потому что он постоянно переезжает, но у него там есть дом.

Я мысленно делаю заметку, чтобы дать Кэтрин и Коннору знать, в каком году Сол очутился, и затем перехожу к главному:

– Вот в чем дело. Кэтрин говорит, что корешаны – это не то же самое, что киристы. Что они существовали еще до Сола. Но все, что я вижу...

– Кэтрин отчасти права и отчасти ошибается. Корешаны определенно существовали. Они были чудачковатым маленьким обществом, которое считало Вселенную полой сферой с Землей в центре, основываясь на видениях, которые были у Сайруса Тида после того, как он был чертовски потрясен во время научного эксперимента в своем подвале. Он сказал, что какая-то прекрасная женщина явилась ему и сказала, что он приведет своих последователей к спасению и вечной жизни, построив новую общину. Он назвал Корешем и разработал планы для места, которое назвал Новым Иерусалимом, в это общество однажды вступят десять миллионов человек, как он утверждал. Он был дальновиден в некоторых вещах – считал, что женщины должны иметь право голоса, например, и что Бог имел и мужское, и женское начала. Это, вероятно, одна из причин, по которой он привлек так много последователей, особенно женщин, и они были счастливы отдать свои деньги, пытаясь помочь ему построить этот новый рай.

В 1908 году, когда Тид умирал, он утверждал, что переживет реинкарнацию или будет воскрешен. Все это держалось на идее общинной чистоты. Если бы мужчины и женщины жили вместе в чистой – то есть без секса – гармонии, они стали бы бессмертными. Сайрус умер за три дня до Рождества, так что все они думали, что он воскреснет на Рождество. Его последователи просто положили его в ванну и ждали. Во временной линии до Сола, думаю, глава округа в конце концов вмешался и заставил их похоронить его.

– Да, – говорю я. – Я читала об этом в старом учебнике по истории религии в библиотеке Кэтрин. Общество постепенно распалось, осознав, что Кореш больше не вернется.

Он кивает.

– Именно так и заканчивают большинство таких обществ. В этом случае они решили, что если Бог не воскресит Кореша, саму основу их веры, то на что надеяться его скромным последователям?

– Но записи показывают, что «Кирист Интернэшнл» была основана еще в 1400-х годах, верно? Так... зачем брать на себя руководство этой общиной в начале 1900-х годов?

– Иногда проще просто изменить историческую запись, чем изменить саму историю. Датой основания «Сайрист Интернэшнл» обычно считают... я должен помнить... 1470 какой-то...

– 1478 год.

– Верно, но единственное, что случилось в 1478 году, это то, что Пруденс, а может, и Саймон, вернулись и заплатили одному парню, Уильяму Кекстону, первому человеку в Англии с печатным станком, чтобы тот напечатал пару экземпляров *«Книги Кира»*. Несколько лет спустя они проделывают то же самое с *«Книгой Пророчеств»*. Затем они проследили за тем, чтобы эти книги оказались в архивах. *«КП»* включала в себя так называемые чудеса, которые Кир исполнил позже – в нескольких случаях он даже указал приблизительные даты. И в ней много предсказаний, которые не должны были быть известны, когда книга была напечатана. Когда наступали эти даты и предсказания сбывались, люди начинали думать, что, возможно, этот парень Кир не шутил.

– Значит, чудеса – это те самые исцеления, о которых упоминала Кэтрин? То, что делал Сол перед тем, как взорвать штаб-квартиру ХРОНОСа?

– Да. И пророчества начинают привлекать верующих вроде того парня, Нострадамуса, за исключением того, что *«КП»* не оставляет места для интерпретаций. Так что с корешанами и горсткой других группировок Сол только и делал, что наживался при удобном случае. Он вложил достаточно денег в маленькую коммуну Сайруса Тида, чтобы продвинуть планы переезда в Истеро вперед примерно на шесть лет. И он заставил Пруденс создать несколько так называемых видений, убедив Тида отказаться от этой глупой идеи полой Земли и некоторых других взглядов, которые Сол считал чушью. И в этих видениях Пруденс говорила Тиду, что она – его будущее женское воплощение, которое он, вероятно, считал довольно милым обновлением. Она даже появляется как видение для нескольких других лидеров корешанов. Затем Тид умирает.

– Но только теперь это произошло в 1901 году, а не в 1908-м, верно?

– Да. Я подозреваю, что его смерть не была совершенно случайной в какой бы то ни было временной линии, но Сол отодвинул ее на семь лет вперед. Затем истинно верующие свалили его в ванну, и...

– Неужели эти люди действительно думали, что Тид поднимется из этой ванны после того, как он был мертв в течение нескольких дней? Как вообще кто-то может воспринимать эти заявления всерьез? Особенно когда он говорил всю эту чушь про плоскую землю.

Кирнан начинает что-то говорить, но затем останавливается, просто смотрит на меня в течение минуты, как будто взвешивает все за и против. Наконец, он говорит:

– Нам нужно отправиться на экскурсию.

– Что? Нет!

– Есть вещи, которые ты должна увидеть своими глазами, любимая. Мои слова – не самый надежный источник. – Он встает и уходит за красную занавеску, приколотую в противоположном углу.

– Нет, – говорю я и иду за ним. Потом я вспоминаю, что он говорил о том, как одевается и раздевается за занавеской, и снова сажусь. – Это очень плохая идея, Кирнан. Я никуда не пойду, так что ты можешь выйти в своей форме официанта, или метрдотеля, или как там это называется.

– Не официанта. И не метрдотеля. Если хочешь знать, чем я занимаюсь в парке Норумбега, тебе просто нужно прийти в субботу и посмотреть.

– Я уже сказала, что приду, и я сделаю это. Но я не пойду в этот Нуэво... как бы ты его ни называл.

Он выходит из-за занавески, заправляя полы бежевой рубашки в коричневые брюки. Он быстро осматривает мою одежду и качает головой, явно недовольный моими шортами и майкой.

– Я бы предложил отправиться прямо в этом, потому что тебя никто не увидит, но, боюсь, ты замерзнешь.

– Кирнан, я серьезно. Я никуда не пойду.

– Безопасно, Кейт. Это абсолютно безопасно. – Он присел на корточки передо мной и начал поднимать расшатанную доску под кроватью.

– Ты не можешь этого знать. А что, если нас кто-нибудь увидит?

Он достает матерчатую сумку, в которой лежат мое платье и туфли, и кладет ее мне на колени.

– Я жил на этой ферме, Кейт. Я почти все время работал в этой конюшне. Я знаю каждый укромный уголок, каждое укромное местечко, потому что всеми ими я часто пользовался. И... – он делает глубокий вдох. – Мы были там, в другой временной линии. Мы наблюдали за ним с чердака. Никто не видел нас тогда и не увидит теперь.

– Но это значит, что мы наткнемся на вас, поэтому...

Он качает головой.

– Не имеет значения, что я помню, как был там со своей Кейт – хотя я помню это очень живо. Если тебя не было там в этой новой временной линии, значит, и меня не было. Только мы с тобой будем на этом чердаке.

– Да-а-а... Но...

Он хитро улыбается мне.

– Неужели ты никак не можешь мне довериться? Клянусь душой моего отца, Дуранго Монтойя...

– Остановись, – я смотрю на него сердито. – Во-первых, *Доминго* Монтойя. А во-вторых...

– Что во-вторых? – спрашивает он, не дождавшись моего ответа.

Во-вторых, ты не тот человек, от которого я хотела бы слышать фразы из «Принцессы-невесты». Но если я скажу это, то сделаю ему больно, а я не хочу причинять ему боль. Совершенно естественно, что другая-Кейт делилась с Кирнаном тем, что любила сама. Точно так же, как и я поступила с Треем. И несправедливо лишать его этого.

– Нет второй причины, – говорю я, заставляя себя улыбнуться. – Первую можно считать сразу за две.

Он снова бросает на меня испытующий взгляд, словно пытаюсь прочесть на моем лице скрытые подсказки. Спустя несколько секунд он сдается и просто опускает взгляд в пол.

– Неужели ты всерьез думаешь, что я когда-нибудь подвергну тебя опасности, Кейт?

– Нет. Я знаю, ты никогда этого не сделаешь. Если бы ты не был уверен, что это безопасно, то и не предлагал бы мне. Но даже если этот риск крошечный, бесконечно малый, стоит ли он того, чтобы просто немного развлечься?

Его брови в удивлении взлетают вверх.

– Ты думаешь, это ради развлечения? О боже. Нет. Тебе и самую малость не удастся развлечься. – Он берет меня за руку и смотрит на меня снизу вверх. – Ты можешь просто довериться мне в этом? Ты должна это увидеть. Ты должна своими собственными глазами увидеть, с каким сопротивлением мы столкнемся.

* * *

Истерио, Флорида

24 декабря 1901 года, 23:50

Срочные новости: в солнечном штате может быть чертовски холодно в ветреную декабрьскую ночь. Платье 1905 года покрывает меня почти полностью выше лодыжки, но оно очень тонкое, и я тут же ощущаю, как ветер пронизывает его насквозь. Кирнан посоветовал мне пригнуться пониже перед перемещением, поэтому первое, что я вижу, когда открываю глаза, –

это деревянные планки пола под ногами. Бледно-желтый свет пробивается сквозь щели между досками, через тонкий слой соломы. В нескольких метрах от нас я вижу тускло освещенные стены конюшни, что находится под нами. Кто-то играет на скрипке. После нескольких нот я узнаю эту песню – «О Святая ночь».

Я быстро прячу ключ ХРОНОСа в кожаный мешочек, который дал мне Кирнан, и, затянув шнурок, убираю сверток под рубашку. Кирнан сидит на корточках в полуметре справа от меня. Он вглядывается в тюки с сеном по обе стороны от нас, а затем жестом приглашает меня следовать за ним. Я подкрадываюсь к нему, и мы медленно продвигаемся вперед примерно на три метра вправо, протискиваясь в отверстие между тюками сена. Я забираюсь в дальний угол, а Кирнан сидит, прислонившись спиной к сему так, чтобы видеть лестницу.

Сквозь окно передо мной я вижу крошечный кусочек луны на небе, почти скрытой облаками. И тут я понимаю, откуда взялась фраза «сквозит как в сарае». Вокруг нас свистит ветер, и холод пробирается до костей. Я обхватываю руками ноги и подтыкаю под себя края юбки. Кирнан тянется за ближайшим тюком сена и, достав одеяло, разворачивает его и укрывает нас. Запах немного затхлый, но прекрасно согревает. Я не ожидала, что в этом месте может оказаться одеяло, да и как он узнал, что оно там было? Я легонько толкаю его локтем, и когда он смотрит на меня, я опускаю глаза на одеяло, затем снова поднимаю на него, вопросительно приподняв одну бровь.

– Ну... я провел здесь немало времени, о'кей? – шепчет он, явно смутившись. – Слева от лестницы вид немного лучше, но я знал, что тебе понадобится одеяло.

Я решаю не настаивать и не размышлять о том, кто еще мог быть под этим одеялом. Мне и без того трудно представить Кирнана с моим вторым «Я». И я совершенно точно не хочу представлять его здесь с Пруденс.

Конюшня под нами выглядит довольно заурядно, но мое мнение базируется на том, что я видела в кино или по телевизору. Вдоль одной стены тянется ряд стойл, а посередине – большое открытое пространство, которое через каждые метров шесть перемежается вертикальной опорной балкой. Возможно, с этой стороны здания тоже есть стойла, но с того места, где находимся мы, это трудно определить. Фермерские инструменты и конское снаряжение: седла, уздечки и тому подобное, висят на стене рядом с полкой, на которой лежат щипцы и какие-то странные инструменты. Земля покрыта соломой, и большая часть конюшни скрыта в тени.

Прямо под нами находится ярко освещенный круг, где группа людей собралась вокруг белой ванны на ножках. Ванна покрыта каким-то листом – возможно, стеклянным, потому что он отражает свет фонарей, и один конец украшен цветами. Мне не разглядеть, что там, под стеклом, и меня это вполне устраивает.

Семь стульев в белой ткани стоят в ряд чуть левее ванны, на них сидят женщины разного возраста, одинаково одетые, волосы у всех одинаково скромно собраны. За семью стульями стоят десятки людей, может быть, даже сотня или больше, до самого конца конюшни. Около двух третей – женщины и дети, и почти все одеты в белое. Большинство из них стоят, некоторые прислонились к опорным балкам, некоторые сидят на тюках сена. Несколько смекалистых ребятишек оседлали верхушки низких перегородок стойла.

– Те женщины впереди? – шепчет Кирнан. – Это Семь Сестер Планетарного Суда.

Я киваю. Я смутно припоминаю то, что читала о них в историческом отчете, но не могу точно вспомнить, какова была их роль в коммуне.

Когда скрипач завершает «О Святая ночь», он сразу же начинает играть «Тихую ночь», и несколько голосов подпевают ему. Бородатый мужчина с рыжеватым цветом волос достает карманные часы и что-то говорит пожилой женщине, сидящей ближе всех к ванне. Она перестает петь на мгновение, затем кивает, закрыв глаза, и продолжает со второго куплета.

Сцена, что разворачивалась прямо под нами, выглядела бы вполне безобидно, если бы я не знала, что в этой ванне лежит разлагающийся труп.

Светловолосый мужчина снова поглядывает на свои часы, а затем касается плеча женщины. Она встает и поднимает руки высоко над головой. Она почти такая же высокая, как и мужчина, стоящий за ней, и ее темные волосы пронизаны проседью. Музыка резко обрывается, и остальные шесть женщин встают, чтобы присоединиться к ней. Они все начинают качаться, закрыв глаза и подняв лица вверх, к стропилам.

Они двигаются так около тридцати секунд, а затем первая женщина резко опускает руки. Когда каждая женщина в строю перестает раскачиваться, возникает эффект домино, и я едва сдерживаю смех, потому что они очень напомнили мне фанатов, делающих волну на игре «Вашингтон Нэшионалс»⁷, на которую папа взял меня прошлым летом.

Высокая женщина резко распахивает глаза и кричит: «Кореш! Наш любимый Кореш! Мы не скорбим о твоей кончине».

Толпа гудит, соглашаясь, и Кирнан придвигается ближе к моему уху, шепча:

– Энни Ордуэй, но они называют ее Виктория Грация. Это означает «победа благодатью» или что-то в этом роде. Заместитель Кореша, по крайней мере сейчас.

– Ибо, – говорит женщина, – как шестой Мессия, Иисус, воскрес на третий день, так и седьмой Мессия воскреснет в этот рождественский день. Мы ждем твоего второго пришествия, наш пророк, чтобы построить наш Новый Иерусалим, наши Небеса здесь, внутри Земли.

Кирнан тихонько хихикает.

– Это Энни, она одна из тех немногих, кто еще верит в полую Землю.

– Чего?

– Позже расскажу. Тсс... – он поднимает ладонь и наклоняется вперед. – Просто следи за ванной. Через три, две, одну...

За ванной вспыхивает ярко-синяя вспышка, и появляется молодая девушка. Она тоже одета в белое, но ее наряд больше похож на тогу, собранную на талии и плечах. На золотой цепочке блестят голубые лучи ее ключа ХРОНОСа. Ее руки разведены в стороны, голова запрокинута назад, и очень знакомые темные локоны ниспадают на плечи.

Пруденс. И она вся светится. Дело не только в медальоне. Ее кожа и одежда буквально светятся, как полированный металл.

Девушка возле стойл беззвучно падает в обморок, но никто этого не замечает. Все они смотрят вперед, большинство из них улыбается, и все загипнотизированы видением за ванной с останками.

Однако Энни Ордуэй не выглядит счастливой. Она выглядит ошеломленной и немного смущенной, как и две других сестры. Замешательство длится всего несколько секунд, а потом Ордуэй опускается на колени. Как по команде, остальные сестры тоже падают, а за ними и все остальные, собравшиеся в конюшне.

– Это краска, – шепчет Кирнан с некоторым презрением, и я мысленно возвращаюсь в 1893 год, к его восьмилетней версии, когда он смотрел на мои алые ногти и рассказывал мне, что, по словам его матери, только падшие женщины наносят краску. – Фосфоресцентная краска. Видишь луч над ее головой и то, как он отдает фиолетовым?

Я киваю.

– Портативный инфракрасный фонарь с таймером, установленным на полночь.

Толпа внизу поначалу стояла в тишине, но все же несколько выкриков типа «Хвала Господу!» и «Хвала Корешу!» начинают раздаваться с разных сторон. Постепенно восклицания принимают характер крещендо⁸.

⁷ «Вашингтон Нэшионалс» (англ. Washington Nationals) – профессиональный бейсбольный клуб, выигравший Национальную бейсбольную лигу в 2019 году.

⁸ Крещендо – музыкальный термин, обозначающий постепенное увеличение силы звука.

Пруденс протягивает руки к людям, стоящим перед ней на коленях. Мне не видно ее лица, пока она снова не откидывает голову назад. Она моложе, чем была тогда, когда я встретила ее на выставке. И либо она прирожденная актриса, либо убедила себя в этом, потому что ее лицо, жутко похожее на мое, светится не только флуоресцентной краской, но и улыбкой неземной радости.

– Встаньте, дети Кира! Встаньте, возрадуйтесь и следуйте за мной по Пути!

Толпа вскакивает на ноги, и Ордуэй делает шаг вперед. Она разводит руки в стороны.

– Добро пожаловать, сестра по Корешу! Я Виктория Грация, и я приветствую тебя в нашем Единстве.

Улыбка исчезает с лица Пруденс, ее сменяет выражение сурового сострадания.

– Я хорошо тебя знаю, сестра Энни. Ты получишь мою благодать и мое терпение, когда хорошенько потрудишься, чтобы замолить свои грехи.

Улыбка на лице Ордуэй исчезает.

– Мои... грехи?

– Да. Ты и... эти две, – говорит Пруденс, указывая глазами на двух других сестер и кивая, – виновны в грехе похоти. Ты пыталась ввести в искушение брата Кира, но я стою здесь как доказательство того, что его душа осталась чистой. Он избежал уз смерти и греха.

Мне трудно поверить в то, что какая-либо из этих трех женщин соблазнительница. Самой младшей не меньше пятидесяти, и все три укутаны от шеи до лодыжек. Раздаются судорожные вздохи, а затем в конюшне слышится приглушенный гул, когда один сосед шепчется с другим.

Две сестры в самом дальнем от гроба конце делают шаг назад от остальных. На голове у них венки: у той, что пониже, – красные бутоны роз, у другой – розовые. Сначала они, кажется, спорят, потом Розовый Венок выходит вперед и обнимает ту, что пониже. Они молча стоят, на мгновение прижавшись друг к другу головами, лоб в лоб, и обхватив друг друга за плечи.

Мой взгляд снова устремляется в центр сарая, когда одна из женщин, которых Пруденс назвала грешницами, падает на колени, склонив голову, и начинает рыдать. Вторая женщина оглядывается на остальных в сарае, делает глубокий вдох и присоединяется к ней на покрытой соломой земле.

Ордуэй пристально смотрит на них, нащупывая за спиной стул. Она опускается на него с таким видом, словно ее вот-вот вырвет.

Пруденс не скрывает улыбки перед униженными женщинами, и ее лицо одновременно фальшиво и искренне сияет:

– Не падайте в ноги, сестры. Всегда есть надежда для тех, кто раскается.

Она бросает быстрый взгляд на Энни Ордуэй, все еще сидящую с вызывающе вздернутым подбородком. Затем Пруденс снова смотрит на двух мужчин, стоящих на коленях.

– У вас еще есть время на то, чтобы ваши души достигли совершенства. Смерть не может претендовать на чистое сердце.

– Если Кореш воскрес, то почему его тело все еще здесь? – бросает вызов Ордуэй.

Пруденс наклоняет голову, одаривая Ордуэй покровительственной ухмылкой, прежде чем снова улыбнуться толпе.

– То, что лежит здесь перед тобой, – бесполезная скорлупа, пустая оболочка. Я стою перед тобой как брат Кир, сестра Пруденс, Кореш – называй меня как хочешь. Мы все едины в Кире. И те, кто последует за мной по Пути, получают ту же награду.

Я чувствую, как тело Кирнана напрягается рядом со мной. Я смотрю на него, но он качает головой, предлагая сконцентрироваться на сцене, разворачивающейся внизу. Тем не менее он хватает меня за руку и крепко сжимает, когда две женщины, прижавшиеся друг к другу в тени, расходятся в разные стороны. Розовый Венок быстро шагает к задней стене и хватает что-то с полки рядом с уздечками, в то время как другая движется в центр света, прямо к Ордуэй и

Пруденс. Красный Венок указывает бледным пальцем на Энни Ордуэй, но та не сводит глаз с Пруденс.

– Мы с Элоизой никогда не переставали верить, Кореш. После того как мы увидели тебя на прошлой неделе в бамбуковой гавани, мы сказали остальным, включая Энни...

Раздается тихий вздох остальных, и Красный Венок поворачивается к ним и продолжает:

– Я больше не буду называть ее Виктория Грация, потому что она нечиста. Она не принадлежит Единству, – она поворачивается к Пуденс и говорит: – Я сказала Энни и остальным, что ты скоро умрешь, но ты сказал нам не отчаиваться, потому что твоя чистота будет вознаграждена новой, бессмертной формой, как ты всегда говорил. Энни рассмеялась и сказала, что мы наивны.

Розовый Венок, которую, как я полагаю, на самом деле зовут Элоиза, выходит вперед в этот момент.

– Не такие уж наивные, Энни. Мы видели, как ты смотрела на Кореша, как прикасалась к нему не как сестра, а как искусительница. Но мы никогда не сомневались, и теперь мы, истинно чистые, последуем за ним.

Она поворачивается к Красному Венку:

– Ты готова, сестра Мэри?

Красный Венок кивает, а Элоиза наклоняется и целует ее в обе щеки.

– Иди с Корешем, сестра.

Когда она делает шаг назад, что-то металлическое блестит. Кирнан крепче сжимает мою руку, и тогда я потрясенно смотрю на красную полосу на шее Мэри, чуть выше воротника ее платья. Кровь пронизывает кружево насквозь, и она не перестает улыбаться Пруденс, падая на землю.

Кто-то кричит, но, прежде чем кто-либо успевает двинуться вперед, Элоиза поворачивается и говорит:

– Я иду с Корешем! Если вы чисты от плоти и духа, то следуйте за мной! – Она резко проводит ножом по собственному горлу и падает вниз, опускаясь рядом с Мэри, забрызгав своей кровью стоящий перед ней гроб.

Под длинной юбкой все еще дергаются ее ноги, как и у Мэри, значит, они все еще живы. Небольшая группа людей устремляется вперед, в том числе пожилой человек. Он наклоняется, и сначала мне кажется, что он пытается нащупать пульс Элоизы. Затем я понимаю, что он берет нож из ее руки.

Пруденс смотрит на это широко раскрытыми глазами, с отвисшей челюстью. Очевидно, что она этого не ожидала. Я хочу крикнуть ей, чтобы она не молчала, сказала им что-нибудь, потому что только она способна остановить это.

Но я молчу, пока руки Кирнана обнимают меня, а его пальцы колдуют над интерфейсом моего ключа ХРОНОСа, пытаюсь вывести стабильную точку в его комнате.

– Кейт, нам надо идти. Здесь мы ничего не можем поделать.

Старик подносит нож к своему горлу. Я почти уверена, что этим вечером мои кошмары не впишутся в рамки рейтинга PG-13, и я определенно не хочу подталкивать их к NC-17, наблюдая за очередным самоубийством. Я выхватываю медальон у Кирнана, смотрю вниз на стабильную точку и моргаю.

* * *

Бостон

25 июля 1905 года, 00:05

Я появляюсь в комнате Кирнана и сижу там, дрожа и гадая, где же его, черт возьми, носит. Затем до меня доходит, что я блокирую стабильную точку, и я соскальзываю к кровати.

Когда он появляется, я бросаюсь на него, ударяя в грудь обеими кулаками.

– Зачем ты привел меня туда? Почему ты меня не предупредил?

– Кейт, мне очень жаль. – Он хватается за запястья и тянется ко мне, пытаюсь обнять, но я отталкиваю его. – Мне очень жаль, но ты должна была это увидеть.

– Ты не можешь решать, что мне нужно увидеть! Только потому, что ты показал это ей...

– Черт возьми, Кейт, нет. Нет, нет, нет. Все совсем не так. – Он все еще держит меня за запястья и придвигается ближе, его глубокие карие глаза умоляют выслушать. – Она привела меня. Поэтому я и решил, что тебе нужно это увидеть. Я уже видел это сомнение раньше, но не в твоих... – он вздыхает. – Не в *ее* глазах. Я видел его в своем собственном отражении.

Он отпускает мои запястья и откидывается на кровати.

– Кейт заставила меня вернуться в Истерию и снова посмотреть на все это. Напомнила мне, насколько серьезно они относятся к своим убеждениям и как далеко они могут зайти, защищая их. Напомнила мне, что любой группе, которая будет стоять в стороне и поощрять или даже допускать такой тип фанатизма, нужно противостоять. Мне очень жаль, что тебе пришлось это увидеть. Но я все равно считаю, что это было правильно.

Злость немного отступает, но мои глаза все еще щиплет, когда я моргаю, пытаюсь сдержать слезы.

– Что случилось с остальными, Кирнан? С остальными в конюшне? Сколько погибло?

– В конюшне умерли только трое. Тогда Пру резко пришла в себя и велела им остановиться, сказала, что даже самые чистые душа и тело не смогут воскреснуть, если прибегнут к самоубийству. Сказала им, что они должны доверять Богу и пророкам, чтобы знать, когда придет их время, а не брать все в свои руки. Но прежде чем все стихло, еще двое успели покончить с собой.

– Значит, пять человек?

Он кивает, продолжая:

– Община хотела, чтобы всех пятерых поместили в ванны, как это было с Корешем. Конечно, ни один из них не воскрес, и именно там старая и новая временные линии немного сливаются – появился окружной санитарный инспектор и заставил их похоронить тела спустя примерно неделю. Конечно, Энни Ордуэй была более чем счастлива подчиниться. Она с самого начала подозрительно относилась к Пру – но она пожертвовала остатками доверия со стороны группы, когда отдала приказ о похоронах. Они вытолкнули ее наружу. И да, они проголосовали против нее и в другой временной линии, но это заняло гораздо больше времени. После того как она ушла, Пру стала лидером, хотя на самом деле она была скорее номинальным руководителем, так как отсутствовала большую часть времени.

Я на мгновение замолкаю, обдумывая все, что он мне только что рассказал.

– Подожди... ты сказал, что Кейт заставила тебя вернуться? Ты был там, когда это случилось?

Он уставился в пол, явно испытывая неловкость.

– Я успел увидеть только то, как Пру вся засветилась. Мы с Саймоном стояли в задней части конюшни. Я помогал ему установить освещение.

– Значит, ты знал, что произошло? Что эти люди резали...

– Да, но не то чтобы это не входило в наши планы, Кейт. Ты же видела лицо Пру. Она была потрясена. Я не знаю, подозревал ли Сол, что что-то подобное может произойти, но она точно не ожидала. Она была очень расстроена из-за этого. Мы все были.

Моя челюсть невольно напрягается.

– Не слишком расстроены, раз никто не вернулся и не изменил все.

Он качает головой.

– Пру думала об этом, ну, по крайней мере, она говорила, что думала. Но Сол был настроен против, и он убедил ее, что эти смерти послужат предупреждением для других, чтобы они не считали их достаточно чистыми... для возрождения. Или перевоплощения, как бы это ни называлось. *Перезагрузка* – вот как называл это Саймон. Как бы то ни было, Сол утверждал, что эти смерти отпугнут других и облегчат контроль над обществом. Это было для общего блага.

– И все просто сказали: «Ладно, Сол, как скажешь, Сол»? И ты тоже? Ни у кого не возникло к нему вопросов?

В его голосе звучит оборонительная нотка, когда он отвечает мне:

– Мне едва исполнилось шестнадцать, Кейт. И скажи-ка мне, почему ты не закричала, что Пруденс – самозванка? Почему ты не закричала, когда увидела, как падает та, первая, женщина?

Мои глаза сужаются.

– Я была в шаге, но мы вдвоем знаем, что это не одно и то же, Кирнан! Я наблюдала за тем, что уже произошло. Если бы я закричала, сколько бы всего изменилось? Очередная временная линия, в которой я не существую? Или в которой Пруденс решит, что наше маленькое перемирие отменяется? Я не могла так рисковать. И все это произошло так быстро...

– Именно. Все произошло так быстро, – говорит он. – Остановись на минуту и подумай о том, что ты говоришь. Представь себя на моем месте в тот момент. Я не оправдываюсь, Кейт. Я был киристом. И ты это прекрасно знаешь. Я не совсем доверял им, но мама доверяла.

– Но почему? Ты же рассказал ей о своих подозрениях. Почему она доверяла им?

– Да, когда мне было *восемь*, – он смеется, но звучит это горько. – А твоя мама прислушивалась к тебе восьмилетней, когда речь шла о чем-то важном? Мама была неопытна, овдовела, и ей нужно было кормить ребенка. И я все еще *был* ребенком, как бы ни старался вести себя по-взрослому. Киристы предложили нам еду и кров, и она с благодарностью приняла их. То же самое можно сказать о многих, очень многих людях, которые следовали за ними на протяжении многих лет, Кейт. Я прожил там, среди них, восемь лет. Дольше, чем рядом с папой. Спустя некоторое время начинаешь смотреть на вещи иначе.

Он откидывается назад, опершись локтями на кровать, обратив лицо к потолку, все еще покрытому этими комичными звездами, и медленно выдыхает.

– Думаю, доверие к ним было единственной вещью, которая поддерживала мою мать в здравом уме после смерти отца. Потому что именно из-за нее он взялся за эту работу на выставке, о которой рассказала Пру. Мать уговорила его довериться Пруденс. Если бы она этого не сделала, он никогда бы не оказался в Ледяном доме в день пожара, когда его убили. Так что если она ошибалась, доверяя Пру и киристам... ну, тогда, может быть, она и есть причина его смерти, понимаешь?

Он закрывает глаза и на мгновение замолкает.

– Я никогда ее не винил. Но я знал, что она винит себя, поэтому подавил свои подозрения, и мы вернулись на ферму после закрытия выставки. Когда они слились с корешанами и двинулись в Истери, мы последовали за ними. За три месяца до той ночи в конюшне Саймон взял меня с собой на небольшую временную экскурсию по местам, выбранным Солом. Но, возможно, их выбрала взрослая Пру. Я не знаю точно. Ты когда-нибудь смотрела видео о концентрационных лагерях? О геноциде? О ядерном или химическом оружии? Одна остановка была в Африке, в месте под названием Чад, в начале 2020-х годов. Голод, усугубленный изменением климата. Добавь сюда беженцев и группы людей, которые нападали друг на друга, когда не хватало еды и воды. Груда тел была выше меня, и таких груд было несколько десятков, Кейт. Только в том городе. А весь остальной мир ничего не предпринимал, пока не стало слишком поздно. Этот голод был лишь одним из многих событий, которые он мне показывал. Скажем

так: 2070-е – не самое приятное десятилетие с биологическим оружием и... – Он открывает глаза и смотрит на меня. – Наверное, тебе не нужны эти кровавые подробности?

Я отрицательно качаю головой. Я действительно не хочу знать историю, которая не произойдет, пока я не состарюсь и не поседею, к тому же я увидела уже достаточно крови для одного дня.

– Большинство людей, которых я видел, умирало медленной, отвратительной смертью. Сол и Пруденс сказали, что после 2070 года все пошло под откос. Сказал, что они работают ради будущего, которое изменит все это, что в то время казалось мне довольно хорошей идеей. Они не стали вдаваться в подробности, по крайней мере тогда. Ни слова о том, что отбраковка уничтожит половину человечества. Так что да, я все еще был киристом, когда мы встретились в Истеро. Тебе пришлось... она... черт возьми, я имею в виду *ее*. – Он колотит себя кулаками по бедрам. – Кейт пришлось привести меня назад и заставить своими глазами увидеть этот провал, чтобы я признал, что был частью чего-то злого. Может быть, по сравнению с тем, что надвигалось, оно было мелким, но все же Злом с большой буквы.

– А что с твоей мамой? Она все еще... вместе с ними?

– Моя мама умерла года полтора назад. Вскоре после того, как я покинул Истеро.

Я опустила ладонь на его плечо.

– Мне очень жаль.

– Да... она долго болела, – говорит он, не глядя на меня. – Так что на самом деле это не стало неожиданностью. – Он хлопает в ладоши еще раз и поворачивается ко мне с четкой, деловой улыбкой, явно намереваясь сменить тему разговора. – Ты сказала, что тебе нужно спросить меня о двух перемещениях. Ранее, когда ты прибыла.

– Хм... да. 1938-й?

– Так и думал.

– Просто... – я делаю паузу, а затем начинаю заново. – Я думаю, что справлюсь с двумя другими, более или менее. То есть да, мы еще не нашли того парня в России, и я не говорю, что они просты, но у меня нет ощущения, что эти перемещения... не знаю, обречены на неудачу?

– Мы так и не получили ключ в России.

– Ладно, но все же, учитывая то, что я знаю о другой временной линии, довольно трудно не смотреть на перемещение 1938 года в Джорджию как на своего рода Ватерлоо, ведь именно после него... твоя Кейт исчезает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.